

Православный

МАЙ 2019

ВЕСТНИК

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

Содержание

3 Пасха навсегда

4 Неизбежность Пасхи

6 Интервью с епископом
Канберрским Георгием

9 Хор Сретенского монастыря
в Аделаиде

10 Памяти архиепископа
Алипия (Гамановича)

20 Метаморфозы

23 Прощение

26 Судьба Илия

28 Столетний юбилей

29 За мелодией
Чайковского я
услышала: «Помилуй
меня». И жизнь будто
перевернулась

30 Хочешь, чтобы денег
стало ещё больше? Делись!

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

Пасха навсегда

Пасхальная седмица радовала нас необычайными песнопениями, душа ликовала о Воскресшем Господе, казалось, что небо и земля слились воедино в прославлении величайшего чуда за всю историю человечества. Но вот прошли праздничные дни, и хотя до отдания праздника Пасхи ещё много времени, но жизнь возвращается на круги своя. Значит ли это, что Пасха перестала быть для нас актуальной, и, если нет, то как сохранить пасхальную радость в череде будней?

Несомненно, Пасха не закончилась по истечении одной недели. Не может то событие, которое изменило весь мир, перестать иметь значение для душ тех, кто приобщился ко Христу Воскресшему. Ведь Воскресение Христово – это не только залог нашего грядущего воскресения, это и непосредственное воскресение нашей души, приобщённой Богу. Мы уже не просто люди, образ Божий, но и в той или иной степени – подобие Божие. И Воскресение Христово теперь реализуется в наших душах. Не случайно один день в неделю христиане именуют воскресеньем и малой Пасхой, потому что Пасха всегда, а не однажды в год, должна быть праздником.

Пасху важно пережить в своей душе как событие, рождающее нас в Царствие Небесное. Это рождение – явление не ограниченное во времени, потому как не имеет своего предела. Не случайно именно пасхальную радость вынес из затвора преподобный Серафим Саровский. Потому он и приветствовал всех приходящих к нему словами: «Христос Воскресе», – что стал сопричастником Воскресения Христова.

Заметим, что этой пасхальной радостью преподобный Серафим спешил поделиться с окружающими. Поэтому-то и мы приветствуем друг друга пасхальным приветствием до отдания Пасхи, поэтому-то и каждую молитву в течение 39 дней предваряем чтением пасхального тропаря, что для нас Воскресение Христово не стало лишь историческим событием. Оно живо в сердце каждого христианина.

По моему глубокому убеждению, человеку, как существу общинному, невозможно всецело

исполниться пасхальной радости в одиночку. Может быть, отдельные святые затворники и пустынники могли так жить, да и то их собеседниками и сожителами были ангелы. Мы же можем сохранить Пасху в своей душе лишь тогда, когда несем эту благую весть окружающим.

И, как проповедь Христа имела своё логическое завершение в Голгофской Жертве и Воскресении, так и наши слова о Христе Воскресшем не могут не иметь продолжения в виде дел. Ликующий о Воскресении Христовом христианин не пройдёт мимо нуждающегося, не оставит плачущего и скорбящего без утешения, ободрит унывающего. И тогда Светлое Христово Воскресение не станет для нас уделом лишь на время Светлой седмицы, но продлится бесконечно долго, начинаясь здесь, в земной жизни, но не заканчиваясь никогда, потому как мы станем сопричастны вечности со Христом Воскресшим.

Христос Воскресе!

Протоиерей Андрей Ефанов

<https://www.pravmir.ru/pasxa-navsegda/>

Неизбежность Пасхи

Каждому предстоит пройти свою голгофу, вынести поцелуй своего иуды, выпить до последней капли всё, что доверил пережить Создатель – но всё непременно закончится Пасхой.

«Христосоваться, значит, целоваться щёчками». Так сказал один малыш. А малыши, как известно, знают толк в поцелуях. Дети охотно целуются, их пухлые щёчки будто нарочно созданы для целования. В малышах живёт какая-то естественная нежность, заразительная настолько, что, видя этот «румяный пузырь» даже самый суровый взрослый не может удержаться от улыбки или объятий.

Что вы будете делать, если встретите на улице потерявшегося котёнка? У некоторых взрослых такая встреча сразу обращается в этическую проблему, толкает к смелым обобщениям, безвозвратно увлекая в лабиринты теодицеи. А малыш, скорее всего, просто запихнёт котёнка за пазуху, под рубашку и потащит домой.

Мы говорим «за пазухой». Для нас это просто тёплое и безопасное место. «Жить, как у Христа за пазухой» – это выражение я слышу с детства, оно означает высшую степень безопасности и благополучия. Эта фраза, скорее всего, была рождена христианским мироощущением. Нам это так знакомо: потеряться и быть найденным, быть спрятанным в тепле у самого сердца Бога.

Церковь жива Пасхой. Пасха – в сердцевине нашего церковного года. Православное богослужение живёт памятью Пасхи, Пасхой мы «живём и движемся и существуем». И при этом так странно, что в нашей традиции нет иконы Пасхи. Потому что Пасха есть тайна будущего века. Пасха началась здесь, но «ещё не открылось, что будем». Вместо иконы Пасхи у нас есть образ «Сошествие во ад»: Христос в лучезарных ризах стремительно снисходит в глубины преисподней, попирая её врата Своими стопами и тянет руки к детям Адама. В этом жесте – всё.

Бог тянется к людям – в этом тайна Пасхи. Апостол Павел верил, что Его «подобрал» воскресший Христос: «А после всех явился и мне, как некоему извергу» (1Кор 15:8). А ведь явление на дороге по пути в Дамаск произошло спустя довольно времени после Воскресения.

Невозможно стать верующим, не встретив Бога. Но эта встреча и есть Пасха. С Пасхи всё начинается, и всё ведёт к Пасхе, к Пиру Царствия, где каждый найдёныш отдохнёт на груди у Бога.

Мы у Христа за пазухой, и Христос у нас за пазухой. Ведь тот маленький крестик, который мы получаем в день крещения, мы носим не на шее, а на груди. Распятие покоится в том месте, которое называется греческим словом «колпос», отчего епископские пангии и иерейские кресты в древности назывались «энколпион» – то, что покоится на груди.

Перевод слова «колпос» знаком нам по притче о богаче и Лазаре: по ту сторону гроба Лазарь

оказался на лоне Авраамовом: «кэ Лазарос эн тис колтис авту» (Лк 16:23). Лазарь почивал не в недрах Авраама, как может показаться и не на руках праотца. Слово «колпос» поминали, когда описывали трапезу, потому что в древности на Востоке пировали полулёжа, облокотившись на левую руку, почивая по двое на особых коврах или диванах, так что один из пирующих мог положить голову на грудь другого. Это место на груди и называлось «колпос». Богач в аду увидел пирующих праведников, и нищий и презренный Лазарь спокойно почивал на груди у самого патриарха Авраама.

Любимый ученик Христа, апостол Иоанн, на Тайной Вечери возлежал на груди Иисуса – здесь евангелист тоже употребил знакомое нам слово.

Пасха – грядущий Пир Царствия, на котором каждый ученик – любимый, каждый найдёныш – на лоне Спасителя.

Слово «пасха» – плод неожиданного наслоения двух похожих слов из двух непохожих языков: еврейского «песах» – «прошёл мимо» и греческого «пасхо» – «страдаю», «претерпеваю».

Для христиан древности Пасха это единство Страстей и Воскресения. Они созерцали Воскресение неотрывно от Страданий – Пасха Крестная и Пасха Воскресения.

Предательство Иуды – Пасха. Суд у Пилата – Пасха. Терновый венец – Пасха.

Ангел у гроба – Пасха. Слезы Магдалины – Пасха. Уверение Фомы – Пасха.

Пасха началась преломлением хлеба в Сионской горнице.

В преломлении хлеба узнали ученики воскресшего Господа.

Пасха – это Пир Царствия, который уже начался, и которому мы приобщаемся уже здесь на каждой литургии. Пасха в единстве страдания и отрады, труда и утешения, и невозможно попасть на грудь Учителя, не пройдя своей пасхи крестной.

Пасха неизбежна. А это значит, что каждому предстоит пройти свою голгофу, вынести поцелуй своего иуды, выпить до последней капли всё то, что доверил мне пережить мой Создатель. Но всё непременно закончится Пасхой Воскресения и торжества жизни и правды.

Положено мне страдать и пройти сквозь смерть – пройду, потому что Сам Господь освятил для меня этот путь.

Поэтому сказать «Христос воскрес» то же, что сказать «всё будет хорошо».

Верить в Пасху – доверять Богу.

Верить в Пасху – быть готовым пройти путём Христа.

Верить в Пасху – знать, что, в конце концов, всё будет хорошо, обязательно хорошо!

Верить в Пасху – не бояться страданий, смотреть на них весело, твёрдо зная, что жизнь стоит того, чтобы быть прожитой!

Пасха неизбежна. Пир уже начался.

Архимандрит Савва (Мажуко)

<https://www.pravmir.ru/neizbezhnost-pashi/>

Нашему Свято-Николаевскому храму

срочно требуется РЕГЕНТ

**За справками обращаться к настоятелю о. Владимиру Дедюхину
по телефону 0401 974 847**

Интервью с епископом Канберрским Георгием

Четыре года назад, в апреле 2015 года, в Австралию из Америки приехал владыка Георгий, который стал викарным архиереем Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ, помощником митрополита Илариона, который отметил, что это «действительно радостное событие, поскольку усиливается церковное архиерейское присутствие в епархии». Владыка Георгий получил в Австралии звание епископа Канберрского и поселился при епархиальном управлении в сиднейском районе Кройдон.

Родился будущий владыка в американском штате Иллинойс в 1950 году и носил имя Павел Шейфер, в 1974 году он принял православие.

Мы побеседовали с владыкой Георгием в Стратфилде после воскресной литургии в Петропавловском соборе.

– Владыка, насколько велика Австралийская епархия РПЦЗ?

– В Австралии у нас около 27 приходов, пять монастырей (и ещё два скита, в которых находится по одному монаху) и 40 священнослужителей. Также в епархии ещё пять человек клира, три прихода и две миссии в Новой Зеландии. Недавно у нас скончался священнослужитель отец Серафим Слэйд из аборигенской миссии в Голбурне. Он много ездил в своем районе, встречался и беседовал о православии с разными людьми, также посещал заключенных в тюрьмах. Мы очень сожалеем о его смерти.

– Как часто проходят службы в церквях епархии?

– В большинстве приходов службы проходят в субботу вечером и в воскресенье утром и, конечно, на праздники дополнительные службы. Некоторые священнослужители работают в течение недели и не могут проводить службы так часто, как хотели бы, это относится также к членам церковных хоров. К тому же священники и прихожане живут часто не близко. Большинство священников и диаконов должны ещё работать вне церкви, чтобы обеспечить свои семьи, поскольку малые приходы не имеют возможности поддерживать их финансово.

Некоторые приходы в Сиднее сравнительно большие, другие маленькие, включающие 30-50 человек. Я спрашивал людей из таких малых приходов, не хотят ли они соединиться с большими. Люди отвечали, что им нравится быть в малом приходе, они ощущают себя здесь как в семье.

Большинство наших приходов имеют долгую историю; 50-60 лет назад родители, бабушки и дедушки современных прихожан приехали из России, из Китая в новую страну и вместе построили церкви, поэтому за эти десятилетия у них возникли семейные связи. Некоторые общины сильно выросли, а некоторые остаются небольшими. Брисбен имеет несколько приходов довольно близко друг к другу. Это произошло потому, что в 1950 году между некоторыми прихожанами и одним из священников возникли разногласия; и люди попросили нового священника помочь им начать новый приход. Епископ Феодор дал своё благословение, и тогда был создан новый приход, который оказался очень близко к другому. В последние годы у нас открылся ещё один приход в Брисбене из другой юрисдикции, поэтому у нас сейчас три прихода, расположенных очень близко друг к другу. Мельбурн, однако, всегда имел один большой приход. В соборе три священника, два дьякона и очень большая община. Они проводят службы на славянском и английском языках, а также имеется большая церковная школа. Есть также

приходы в Данденонге и Джилонге и приход на английском языке в Виктории.

– Вы оказываете большую помощь Владыке Илариону. Когда мы увидим его в епархии в этом году?

– Для епархии гораздо проще, когда епископ находится здесь постоянно, на некоторые вопросы от духовенства и прихожан нужно регулярно отвечать и принимать решения. Я обычно служу в соборе здесь, в Стратфилде, но я также и в разных приходах в их праздничные дни. Я также председательствую на заседаниях епархиального совета каждые 2-3 месяца. И, если необходимо, по сложным вопросам, я могу связаться с Владыкой Иларионом по телефону или по электронной почте. Он приезжает в Австралию в первую неделю Великого поста в марте и возвращается в Нью-Йорк после Пасхи. И он приедет ещё раз в конце этого года, когда у нас будет трехлетнее епархиальное собрание, которое должно состояться в ноябре.

– Можете рассказать нам о своём церковном пути?

– Я стал православным, когда мне было 24 года, и к следующему году уже жил в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле. Я закончил семинарию в 1980 году, когда я уже был монахом и иподиаконом. В то время моё монашеское имя было Митрофан. В 1981 году я получил благословение отправиться на гору Афон. Там я был пострижен в Великую схиму в 1982 году, и моё имя было изменено на Георгия. Через пять лет я вернулся в Джорданвилль и стал иеродиаконом, а затем иеромонахом в 1987 году. В монастыре у меня были разные послушания: работа в типографии, как духовный отец я заслушивал исповеди, вёл управление кухней (эконом), а также иногда по выходным я служил в разных приходах. Жил в монастыре вплоть до того времени, когда митрополит Лавр скончался в 2008 году, и меня избрали епископом, а затем настоятелем в англоязычном монастыре Святого Креста в Западной Вирджинии, где у нас сейчас 26 монахов. Я жил там с 2009 по 2015 год, когда понадобился епископ здесь, в Австралии, и наш Синод епископов решил отправить меня сюда, чтобы стать викарием.

– Трудно ли было принять изменения, связанные с переездом из США в Австралию?

– Это было непросто, потому что всю мою монашескую жизнь я прожил в монастыре, а здесь всё было по-другому, и это было более сильное отличие, чем между Америкой и Австралией. Что касается климата, то в Австралии для меня немного жарко, но, к счастью, есть кондиционеры.

– Как вы общаетесь со священниками в разных приходах, ведь Австралия довольно большая страна?

– По телефону, по текстовым сообщениям, а также по электронной почте. Каждую неделю я получаю вопросы от священников нашей епархии, где они спрашивают что-то о пастырской работе или приглашают меня приехать провести литургии в их церкви. Так что я, более или менее знаю, что происходит в наших приходах.

– Что важного, помимо регулярных служб, происходит в епархии?

– Каждый декабрь у нас проходит православный молодежный съезд. В прошлом году это произошло в Мельбурне, а в следующем году, я думаю, это будет в Брисбене. Teen Retreat, для тех, кто моложе, от 13 до 18 лет, проходит у нас в течение нескольких лет. Последние два года это было в Сиднее, а в следующем году будет в Мельбурне. Молодежи это очень нравится. Это даёт им возможность собраться вместе, и духовенство может помочь им и участвовать в их деятельности. Они – будущее нашей Церкви, и нам важно стараться помочь им как можно больше. В прошлом приход в Джилонге был источником духовенства в Австралии, а теперь Мельбурн воспитывает молодых людей, и, надеюсь, они начнут помогать и в других приходах. Здесь, в Стратфилде, мы помогаем некоторым молодым людям подумать о том, чтобы стать диаконами. Это не простое решение. Помимо изучения богословия, молодые люди должны думать о том, где они будут жить и как они будут поддерживать свои семьи. В настоящее время в семинарии в Джорданвилле, штат Нью-Йорк учатся двое молодых людей. Один из них –

Джон Стрелков из Брисбена, а второй – Анания, родом из Македонии, из нашего прихода в Мельбурне. Мы с нетерпением ждём, когда они закончат учёбу и вернутся в Австралию.

– Мне кажется очень оптимистичным большая вовлеченность молодежи в церковные хоры.

– Да, это правда, и у них есть большое разнообразие музыки под руководством разных регентов, как в Стратфилде, так и в Кабраматте. Также Нектарий Котляров организовал мужской молодежный хор из 14 человек здесь, в Стратфилде, и они планируют поехать в Америку в декабре, чтобы дать там несколько концертов. Перед этим они будут выступать в приходах и собирать средства для поездки.

– Каковы последствия разрыва связей Московского Патриархата с Константинопольским Патриархатом из-за событий на Украине?

– Это осложнило ситуацию для Русской Зарубежной Церкви больше, чем для Церкви в России. У нас много контактов с греками, и наши прихожане связаны смешанными браками и посещением приходов друг друга. Мы полностью прекратили совместное служение греческих священников со своим духовенством, *но не для мирян*. Я был на

собрании Синода в декабре в Нью-Йорке, и там наши епископы решили *позволить людям принимать причастие в греческих церквях, а греческим людям – принимать причастие в наших церквях*. Это решение РПЦЗ отличается от решения Московского Патриархата. Политика всё больше влияет на жизнь Церкви. В разных странах принимается всё больше антихристианских законов, которые не соответствуют общей морали людей. Надеемся, что христиане всего мира будут отстаивать свою веру и отстаивать истину.

– Чего нам ожидать в будущем в нашей епархии?

– Важное событие: мы начали онлайн богословскую школу, Свято Кирилло-Мефодиевский православный институт. Сейчас мы начинаем второй семестр, и в настоящее время у нас около 10 студентов. Надеемся, что число учащихся будет расти по мере того, как всё больше и больше людей будут узнавать об этой школе и предлагаемых ею курсах.

С владыкой Георгием беседовал редактор газеты «Единение» Владимир Кузьмин.

Печатается с сокращениями

Источник: www.unification.com.au/articles/1550724875/

Дорогие прихожане!

Те, кто были на последнем общем годовом собрании, знают, что наш приход испытывает серьёзные финансовые трудности. Мы все забываем, что в Библии говорится о необходимости отдавать десятину Богу. Кто из нас отдаёт десять процентов своего дохода?

К большому сожалению, наверное, никто.

Казначей в своём годовом отчёте сказал, что у нас на текущий год ожидается нехватка бюджетных средств ориентировочно в размере \$9 000. Думается, что каждая семья нашего прихода может пожертвовать лишнюю сотню долларов на нужды храма. Можно коротко озвучить крупные расходы храма, чтобы было легче понять масштаб расходов и нужд:

\$10 000 на страховку за здание храма, несколько тысяч долларов на текущие счета (электричество, газ, вода, плата районной администрации, пожарная безопасность), зарплата священнику (в Австралии священникам платит приход, а не государство, как думают многие). Также за последние десятилетия пришёл в ветхость прицерковный зал, у нас стоит насущный вопрос – строительство нового зала. Всем жертвователям на строительство могут быть выданы расписки для налоговой инспекции, так как пожертвования в наш строительный фонд являются tax deductible.

Не оскудеет рука дающего!

Хор Сретенского монастыря в Аделаиде

Аделаидский фестиваль – один из крупнейших фестивалей театрального и музыкального искусства. В этом году он прошёл уже в 59-й раз и традиционно собрал талантливых исполнителей не только из Австралии, но и со всего мира.

3 и 4 марта 2019-го года в Adelaide Town Hall в рамках Аделаидского ежегодного фестиваля прошли концерты хора Московского Сретенского монастыря. Плодотворно трудящийся на ниве популяризации духовного православного пения, исполняющий русские, украинские, казачьи песни, коллектив не нуждался в особой рекламе, поэтому билеты были раскуплены задолго до концертов. Своими восторженными впечатлениями о концерте аделаидцы поделились на страничке хора в соцсетях.

Не все прихожане нашего Свято-Николаевского храма смогли попасть на концерт.

Однако, благодаря усилиям дьякона Павла Токарева, утром 5-го марта нам выпала радость послушать Сретенский хор в стенах нашего храма! Неизъяснимое волнение и радость наполнили наши сердца, когда пред иконами и ликами Свято-Николаевского храма раздались мощные и светлые Величание Святителю Николаю, песнопения От Юности Моя, Достойно Есть. В заключение хор пропел «Многая лета!».

На следующий день хористы вернулись в Россию, уже 7 марта выступали в Псковской филармонии, а об Аделаиде написали очень тёплый отзыв.

Тамара Тарасенко

специально для «Православного Вестника»

<https://www.youtube.com/watch?v=Hhp1OF1BZTs>

Сколько веков стоял Сретенский монастырь, столько существовали и хоры при нём, впервые получившие широкую известность в XVII столетии, когда певчие обители сопровождали торжественные общегородские крестные ходы. А в конце 1925 года Сретенский монастырь был закрыт – вместе с ним не стало и хора.

Свои нынешние черты хор возродившейся в 1994 году обители начал приобретать около 10 лет назад. В 2005 году, по благословению епископа Тихона (Шевкунова), хор возглавил его нынешний регент – Никон Степанович Жила. Вскоре, одновременно со службами, Сретенский хор приступил к записи альбомов и активной концертной деятельности.

Основа хора – студенты Сретенской семинарии, а также выпускники Московской духовной семинарии и Академии. Не менее важная часть коллектива – вокалисты из Московской академии хорового искусства, Московской консерватории и Академии музыки им. Гнесиных.

В составе хора – и собственные композиторы и аранжировщики: Фёдор Степанов, Александр Амерханов, Дмитрий Лазарев, Иван Черёмухин. Первоклассные солисты: Михаил Миллер, Иван Леонов, Михаил Туркин, Вадим Зарипов, Алексей Закатов.

Помимо регулярных служб в Сретенской обители, Сретенский хор поёт на особо торжественных патриарших богослужениях в Московском Кремле, участвует в международных музыкальных конкурсах и миссионерских поездках Русской Православной Церкви

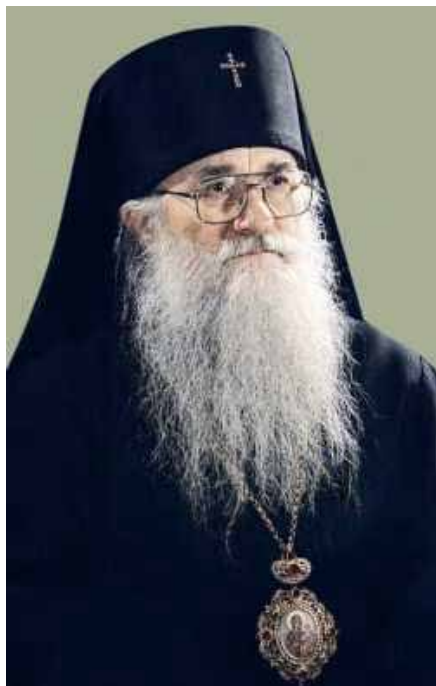
В репертуаре хора, помимо духовной музыки, собраны лучшие произведения песенной традиции России – русские, украинские и казачьи песни («На горушке, на горе», «Ах, ты степь широкая», «Не для меня придёт весна», «Любо, братцы, любо», «Ніч яка місячна...», «Ой, на горі»). Песни военных лет, такие, как «Враги сожгли родную хату», «Эх, дороги» или вальс начала XX века «На сопках Манчжурии», звучат уникально – Сретенский хор исполняет их акапелла. Популярны и всеми любимые романсы «Белой акации гроздь душистые», «Утро туманное» в хоральной аранжировке не оставляют равнодушными ни специалистов, ни любителей музыки в России и за рубежом.

В последние годы хор Сретенского монастыря записал несколько музыкальных альбомов с духовными песнопениями и лучшими песнями классического и народного репертуара.

Памяти архиепископа Алипия (Гамановича)

В воскресенье, 28 апреля, в праздник Пасхи Христовой, скончался Высокопреосвященнейший Алипий, бывший архиепископ Чикагский и Средне-Американский, строитель Покровского кафедрального собора в Чикаго, не дожив несколько месяцев до 65-летия своего священства и 45-летия со дня епископской хиротонии. В 1994 году он был переведён на Австралийско-Новозеландскую кафедру, но, по причине его болезненного состояния, Австралийское консульство медлило с разрешением на постоянное жительство. Прибыл в Сидней 7 апреля 1994 года, но уже через 3 недели возвратился в США, чтобы принять участие в канонизации святителя Иоанна Шанхайского. По ходатайству прихожан Покровского собора в Чикаго он был возвращён на прежнюю кафедру. В Светлую пятницу похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Вечная ему память и упоение со святыми!

В 2005 году я обратился с просьбой к владыке Алипию, архиепископу Чикагскому и Детройтскому (РПЦЗ). Он известен как автор книги «Грамматика церковнославянского языка».

Мне хотелось побольше узнать о жизни Владыки и о создании храма, прихожанином которого я являюсь. Владыка откликнулся на мою просьбу и составил для меня краткую автобиографию.

Владыка Алипий достоин того, чтобы о нём знали больше. Впервые я увидел владыку Алипия, Преосвященнейшего Архиепископа Чикагского и Детройтского, на проповеди во время литургии.

Помню, меня поразила та простота, с которой он излагал Евангельские истины. Поразило и то, что слышанное и прочитанное неоднократно представало новым, неожиданным и удивительным, хотя, повторяю, Владыка говорил очень просто, без риторических изысков и как бы совсем без эмоций.

Владыка производил впечатление очень доброго и очень простого человека.

Потом я узнал, что Владыка не только преподавал церковно-славянский и греческий языки, но и выпустил учебник грамматики церковнославянского языка, и что эта работа по сей день является едва ли не единственным доступным пособием по данному вопросу на современном русском. На этом пособии выросло не одно поколение семинаристов и в России, и в Русской зарубежной Православной Церкви. Учебник издан и на английском, и также является единственным в своём роде.

Затем я узнал, что храм, прихожанином которого я являюсь, построен благодаря усилиям владыки Алипия.

Далее выяснилось, что все, ВСЕ росписи, фрески и иконы храма (за исключением раритетных) сделаны владыкой Алипием, замечательным художником и иконописцем.

Я предлагаю вашему вниманию воспоминания человека, благодаря которому тысячи русских людей Америки имеют возможность жить, верить и молиться по-православному.

Воспоминания написаны самим владыкой Алипием.

Д. Якубов

Автобиография

Я родился в Херсонской области, в большом селе Новая Маячка, 19 декабря 1926 г. В то отдалённое время эта область была Николаевской. Но мой дедушка часто любил называть её Таврической губернией. Село Новая Маячка находится на 50-60 км севернее Крыма.

Имя отца моего было Михаил Гаманович, а матери – Людмила, урождённая Мартынова. Моё имя в миру было Николай. Я был старшим среди детей, у меня были ещё три брата и две сестры.

По профессии мой отец был кузнецом. Этому ремеслу он вместе со своим братом научился у своего отца – Даниила, который имел кузницу, а дети работали у него. Дедушка к тому же был и столяром.

У дедушки был брат Яков, тоже кузнец, столяр и ещё даже писал иконы. У нашей семьи была икона Спасителя по пояс его работы. Лик и руки были написаны масляной краской, а остальное: одежда, фон и цветы вдоль рамы, – были сделаны из фольги. По правде сказать, украшения фольгой мне не нравятся. Фольга – несерьёзный материал для иконы, слишком мягкий.

В это время уже был во власти Сталин. Вскоре началась коллективизация и “раскулачивание” со всей сталинской жестокостью. Дедушка по матери был состоятельным и поэтому подвергся раскулачиванию. Почему-то он оказался в тюрьме и вскоре там умер – не выдержало сердце.

Дедушка по отцу (Даниил) не сумел сколотить материального состояния и потому избежал этой участи, а вот его брат сумел и подвержен был раскулачиванию. Но жители села уважали его, а потому предупредили и посоветовали: “Уезжай поскорее куда-нибудь, оставив свой прекрасный дом, а мы объявим, что ты был раскулачен”. Он так и сделал, поселившись в селе Подокалиновка, устроившись там кузнецом, и жил там до самой смерти.

В то время уже нельзя было иметь собственную кузницу, а потому родственники-кузнецы разъехались в разные стороны. При моей жизни мы поменяли три села.

Последнее село было Федоровка (теперь уже не существует). Там была только 4-летняя школа. Для дальнейшего образования нужно было ходить в соседнее село – Кучеряво-Володимировку, где была 8-летняя школа (неполно-средняя). Преподавание шло по-украински, но был также русский язык и русская литература.

Сначала один берег Днепра, там год, потом другой... Часто переезжали, меняли сёла. Где-то выгоднее, где-то менее выгодно. В то время я и начал ходить в школу. Начиная в одном селе, продолжал в другом.

А потом – война. Она началась 22 июня, а в августе немцы были уже у нас. Они быстро пришли, там же никакой естественной преграды нет, только Днепр был какой-то преградой... И такой внезапный и сильный удар трудно было удержать.

Немецкая армия была хорошо организована, хорошо вооружена, имела талантливых генералов с опытом Первой мировой войны. Натиск был очень сильный – фронт быстро подвинулся на восток. У нас было спокойно, никаких партизан не было, так как негде было прятаться, ведь местность была – равнина, и никаких лесов.

Вскоре немцы стали набирать рабочих для Германии. Обещали, что условия работы и жизни будут хорошими. Многие клюнули, и первый набор был добровольным. Но вскоре стали приходить от них вести, что условия очень плохие. И уже никто не хотел ехать добровольно. Стали набирать уже в принудительном порядке. Старосте давали указания, сколько нужно человек представить. Таким образом в этот набор попал и я.

Набранных посадили в товарные вагоны, и поезд взял направление на Германию. Ехали две недели с небольшими остановками. Привезли нас в Берлин, а там уже распределили кого куда. Среди ехавших были и женщины: женщин определили в женский лагерь, а мужчин – в мужской. Лагерь был окружён колючей проволокой, при входе-выходе стояла будка с полицейским. Все односельчане наши находились в этом лагере. До нас там уже были раньше привезённые из Одессы и Харькова.

Они говорили, что раньше их так плохо кормили, что половина умерло... Адрес был: Berlin, Neukolln, Russenlager 4.

Жизнь начиналась в 5 часов утра. Обычно в барак врывался полицейский с резиновой палкой и зычным голосом объявлял подъём. Если кто проявлял медлительность, мог получить бодрость от резиновой палки. Полицейский был – русский из рабочих с повязкой на руке. Он явно старался выслужиться перед немцами.

Между нами были два мальчика по 15 лет. У них было недержание мочи, возможно, от слабости. У нас были двухэтажные нары. Кто-то заведовал нашим бараком, он предоставил им одни нары и заставлял их меняться местами каждую ночь, чтобы они поливали друг друга, считая, что это отучит их от этой слабости.

На завтрак давали 300 г хлеба, чайную ложечку сахара, тонкий квадратик маргарина, иногда тонкое кольцо искусственной колбасы и чай.

Затем строили в колонну, считали и в сопровождении полицейского (русский, с повязкой на руке) мы шли на работу. Завод был машиностроительный. По окончании работы нас снова строили в колонну, считали и так же с полицейским мы возвращались назад. По возвращении мы получали порцию баланды, лагерный суп. В состав баланды входили брюква, капуста, чуть-чуть картофеля и кольраби. Комбинации из указанных овощей могли быть разные. Кольраби клали переросшую, жилистую.

Я пробыл в этом лагере около двух месяцев. Комендантом лагеря был, по-видимому, русский немец. Однажды он посетил завод и зашёл в отделение, где я работал... Мы наклеивали что-то вроде твёрдого картона на раму – делали стенки для фургона. Комендант почему-то обратил внимание на меня, должно быть, я еле таскал ноги. Спросив моё имя, он записал.

Через некоторое время меня и ещё какого-то парнишку отправили в распределитель (Arbeitsamt). Из распределителя меня и ещё двух парней взял к себе какой-то собственник. У него был участок земли около 1 га с леском и маленьким домиком в пригороде Берлина. В этом домике он и поместил нас. Между деревьями были полянки. Наша обязанность была их вскопать и посадить некоторые овощи.

Мне было 16 лет, а моим соратникам на три года больше. Я слабо знал, как обращаться с землёй, а мои соратники – лучше; в общем, получалось неплохо.

Сравнивая с лагерем, наше положение было во многом лучше. Вокруг не было колючей проволоки, продовольственные карточки получили на руки, а по воскресениям я мог даже ездить в церковь. Всё могло бы быть даже в какой-то мере хорошо, но парни были не из лучших.

Один был ещё не такой плохой, а другой – из беспризорников, они не прочь были пользоваться тем, что не было надзирателя. Мы должны были работать от 7 утра до 5 вечера с перерывом на обед. Парни решили: “А, хозяин не приедет так рано, поспим ещё”. А он взял да и приехал и погрозил нам в окошко. Он, по-видимому, тогда решил, что рассчитывать на честный труд не приходится. Мы проработали там около двух месяцев, после чего он отправил нас в распределитель.

Из распределителя меня (кажется, и упомянутых парней) взяли в рабочий лагерь для работ на кладбищах. Самый лагерь находился на территории кладбища за могилами. Кладбище было ограждено деревянным забором (6-7 футов – ок. двух метров – *Прим. Ред.*). Тот же забор окружал и лагерь с входом-выходом и будкой для полицейского, но тут было не так строго, как в первом лагере.

Лагерь состоял из двух барakov: в одном бараке жили рабочие, а в другом были канцелярия, кухня и столовая. Адрес лагеря: Berlin, Neukolln 2, Hermanstraße 84/90. В лагере находилось около 100 рабочих.

Мы обслуживали до 30 или больше кладбищ, к кладбищу были прикреплены двое-трое рабочих, которые ездили на работу сами, для этого выдавались деньги. На кладбищах работа была следующая: копали могилы, когда были похороны (обычно в среду и пятницу), стригли траву, убирали венки, подметали и т. д.

Поскольку мы ездили на работу сами – это было большое преимущество. Работа кончалась в 5 часов вечера, вернуться в лагерь мы должны были не позже 8 часов. Было достаточно времени на возвращение, можно было ещё и побродить.

Я был деревенский мальчик. И видя, что

я такой, немного наивный, надо мной иногда подшучивали старшие. “Вот, – говорил один, – копаю могилу... И тут меня мертвец из соседней ямы – цап за ногу! А я его – лопатой по руке! И продолжаю работать”. И так говорили натурально, что я не знал, верить или не верить. Конечно, потом-то привык и спокойно работал.

Так прошёл 1943 год. С 1944 года американцы и англичане начали бомбить Берлин и чем дальше шло время, тем бомбёжки стали чаще и интенсивнее, особенно к концу этого года и в наступающем 1945-м. Уже не боясь, бомбили не только ночью, но и днём, часто без прицела, просто ковром. В наш жилой барак попали зажигательные бомбы и барак сгорел. Рабочие были в это время на работе на “своих” кладбищах.

Нас переселили в другой барак-столовую, но для всех не хватило места. Какая-то часть рабочих ночевала на кладбищах, где работала, и приезжала в основной лагерь только за едой. Весь строй лагерной жизни нарушился: уже никто в пропускной будке не сидел. Начальство приезжало в лагерь только на день. Мы чувствовали себя более свободными.

В русской газете я как-то прочёл объявление, что в церкви на Nachotstraе в среду и пятницу вечером архимандрит Иоанн (Шаховской) будет вести духовные беседы. Я постарался приехать в пятницу. Беседы не было. Был молебен, и отец Иоанн говорил прощальное слово. К Берлину приближались советские войска, и нужно было поскорее уехать подальше на запад.

Я подошёл к столику, на котором лежали литографические иконки для продажи. Рядом стоял отец Киприан (Пыжов – *Прим. Ред.*), иеромонах. Он заговорил со мной, и у нас началась беседа. Войдя в церковь, я начал прикладываться к некоторым иконам, сделав предварительно поклоны, – это в какой-то мере показывало мою религиозность, а потому, наверное, он обратил на меня внимание и во время разговора сказал: “Тебе хорошо было бы стать монахом”. Я ответил, что давно об этом думаю, но не знаю, как это осуществить.

У моего дедушки были религиозные книги: жития святых, молитвослов и некоторые другие. Жития святых произвели на меня сильное впечатление, и это вернуло меня к вере в Бога. Я, конечно, был крещён в детстве и проявлял

некоторую религиозность, но советская обстановка и пропаганда сделали своё дело. Из житий святых мне больше нравились жития монахов и их жизнь в монастыре, а потому у меня появилось желание при первой возможности это осуществить.

Отец Киприан предложил мне посетить временное жилище братии: “Пойдём, посмотришь, как мы живём”. Я провёл там вечер и сказал отцу Киприану, что хотел бы к ним присоединиться. Он подвёл меня к настоятелю архимандриту Серафиму и стал ходатайствовать о принятии меня в братство. Отец настоятель сначала отказывался: “Мы сами не знаем, что с нами будет, как же мы можем брать молодого человека на свою ответственность”, но потом согласился.

В воскресенье, никому ничего не сказав ради безопасности, я тайно ушёл из лагеря и присоединился к монашескому братству преподобного Иова Почаевского, – это было 3 февраля 1945 г.

Советские войска приближались всё ближе и ближе к Берлину, и нужно было спешить уехать подальше на запад, — это делали также и немцы, а потому с транспортом было очень трудно. Отцу настоятелю удалось получить транспорт, место в поезде, и вся братия уехала поездом на юг Германии и поселилась в некоем селе (Фельдштетин). Через какое-то время мы переехали в другое село: Зондернах. Тут нас застала капитуляция Германии.

Слева направо: инок Алипий (будущий Архиепископ Чикагский и Средне-Американский Алипий), инок Флор (будущий архимандрит), архимандрит Киприан (Пыжов), инок Лавр (будущий Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви)

Больше половины братии уже имели транзитные визы в Швейцарию, а потому, не теряя времени, сразу же двинулись в дорогу и прибыли в Женеву. Их встретил архимандрит Леонтий, настоятель Женевской церкви, и устроил их на место жительства. Через несколько месяцев и прочие члены братии присоединились к первой группе. В Женеве мы ждали виз в Америку.

Владыка Архиепископ Виталий (Максименко), который был основателем братства преподобного Иова Почаевского, прилагал все усилия, чтобы выхлопотать визы для нас. Нам пришлось ждать полтора года, ведь транспорт был переполнен военными. За это время в Женеву приезжал наш Первоиерарх Митрополит Анастасий. Из Америки прилетал архиепископ Иероним, и в Женеве была хиротония отца настоятеля братства архимандрита Серафима и архимандрита Нафанаила во епископа.

Наконец визы были получены, владыка Серафим полетел в Америку немного раньше нас аэропланом, а мы, нас было 12 человек, – поездом поехали через Францию, сделав остановку на несколько дней в Париже, и затем, прибыв во французский порт, кажется, Ле Гавр, погрузились на корабль.

Состав братии был из следующих лиц: игумен Никон (Рклицкий), игумен Филимон, иеромонах Киприан (Пыжов), иеромонах Антоний (Ямщиков), иеромонах Антоний (Медведев), иеромонах Серафим (Попов), иеромонах Нектарий (Чернобыль), иеродиакон Сергей (Ромберг), монах Пимен, брат Василий (Шкурла), брат Василий (Ванько) и рясофорный монах Алипий (перед отбытием в США, ещё в Женеве меня постригли в рясофор).

Плавание было трудным, океан был почти всё время бурным, и плыли около двух недель. 30 ноября 1946 г. мы были уже в порту Нью-Йорк. Владыка Архиепископ Виталий послал соответствующих людей, которые встретили нас и привезли в епархиальную резиденцию Владыки. Это было здание церкви (в готическом стиле) и при ней несколько комнат.

В воскресенье мы присутствовали на архиерейской службе, а священнослужители принимали в ней участие. Отец Никон и отец Пимен остались в Нью-Йорке помогать владыке

Свято-Троицкий монастырь (Джорданвилль)

Виталию, а мы на следующий день поездом поехали в Свято-Троицкий монастырь, который находится недалеко от селения Джорданвилль.

В монастыре, основанном отцом Пантелеимоном при поддержке архиепископа Аполлинария, а потом архиепископа Виталия, было уже пять монахов: архимандрит Пантелеимон, игумен Иосиф, иеромонах Павел, монах Иаков и монах Филарет. А тут мы ещё приехали, одиннадцать человек, так что монастырь сразу оживился.

Мы поместились в большом деревянном доме: внизу дома были домовая церковь, кухня, трапезная и типография, а наверху – комнаты. У этого дома были уже две пристройки, но внутри ещё не отделанные.

Когда основывается монастырь, то само собой возникает вопрос: на какие средства он будет существовать. В этой местности и вокруг фермеры занимались молочным хозяйством.

Отец Пантелеимон происходил из крестьянской среды, а потому земля и коровы не были для него чем-то новым, и он сделал ставку на молочное хозяйство. Это давало средства для жизни и возможности заниматься издательством религиозной литературы, – к этому он как раз и стремился.

Он построил большой сарай: внизу место для коров, а наверху – высокая надстройка для сена. Этот сарай существует и по сей день. К нашему приезду было уже до 500 акров земли для разных нужд, связанных с молочным хозяйством: для пастбища, для посевов разных зерновых культур, включая кукурузу для силоса.

Возле сарая были ещё некоторые постройки: двухэтажный домик, курятник и т. д. Типография была только в зачаточном состоянии, но отец

Пантелеимон приобрёл уже два линотипа: один с матрицами русского и английского шрифтов, другой – с матрицами церковнославянского и русского шрифтов, и небольшой печатный станок.

Линотип – это такое приспособление для печати. Это высокая печать. Набирается текст на матрице, затем, при нажатии на рычаг, матрица падает. Когда строчку наберёшь так – и смотришь, если она немножко свободная, клинышек туда вставляешь, где-то между словами, так, чтобы была строчка полностью. Далее – нажимаешь рычаг – и льётся олово, выплавляется строчка. Высота – сантиметра два.

Был и большой печатный станок, подержанный, его нужно было привести в порядок. Отец Нектарий, “мастер на все руки”, взялся за него и починил. Вскоре началось продолжение под редакцией епископа Серафима издательства журнала “Православная Русь”, издававшегося на Карпатской Руси, но владыка Серафим недолго оставался в Свято-Троицком монастыре и в 1950 г. перевёлся в некое имение, подаренное князем С. С. Белосельским-Белозерским Епархии, чтобы организовать там Синодальное Подворье ввиду перемещения Архиерейского Синода из Германии в США, и назвал это место “Новая Коренная пустынь”. Потом начали книги церковные печатать.

В 1947 г. архиепископ Виталий обоих Василиев постриг в рясофор, назвав одного Лавром (в дальнейшем Первоиерарх РПЦЗ Митрополит Лавр), а другого Флором, а в следующем году (1948) троих рясофорных, отца Лавра, отца Флора и меня, постриг в мантию.

В 1948 г. была открыта семинария. Первый курс был целиком из монашествующих, так он и передвигался на следующие курсы, оставаясь монашеским. Строительство церкви было уже в действии, к нашему приезду подвальное помещение было почти готово и накрыто, а с наступлением весны занялись строительством верхней части.

К монастырю был очень близок некий профессор Николай Николаевич Александров. Хотя он ещё продолжал преподавать в университете, но часто приезжал в монастырь и всячески старался помочь своим знакомством и связями в высших кругах. К тому времени он

уже овдовел. Немного позже он ушёл на пенсию и поселился в монастыре.

Ходатайством Николая Николаевича на монастырский двор свезли кирпичи с какой-то сгоревшей фабрики и сбросили в кучу. Их нужно было очищать от цемента и складывать в стопки: этим занимались сотрудники и все, кто мог; архиепископ Виталий также нередко принимал в этом участие. Эти кирпичи пошли на внутреннюю сторону стены, а снаружи облицовывали кирпичами, слегка глянцевыми, кремового цвета.

Наймом американских рабочих занимался Николай Николаевич. Каменщиками работали американцы, а помощниками им были из нашей братии, обычно отец Сергей, отец Лавр и брат Леонид (Романов), к тому времени приехавший из Швейцарии, и возможно ещё кто-то. Работа была очень трудная, леса были деревянные: цемент, кирпичи нужно было тащить тачкой вверх по деревянным подмосткам. На работе с крышей, на возведении стропил, особенно в центральной части для шатра, работали американские специалисты. Шатёр был покрыт медной жстью, а остальные части крыши – какими-то плитками. Что касается внутренних работ, то из-за скудости средств решили обойтись собственными силами.

Планы церкви были сделаны архитектором Верховским, но для практического применения планов наезжал какой-то архитектор и указывал Николаю Николаевичу, что и как делать, а он в свою очередь указывал нашим работающим братьям, и они старались, как могли. К стенам прибывали рейки (two-by-fours) с промежутками в 16 дюймов (40 см), а затем для изоляции всё прокрашивали смолой. К рейкам прибывали сетки и по сетке штукатурили. При неумелом наложении штукатурки она частично проваливалась в щель. Полагалось бы между стеной и сеткой класть стекляннo-войлочную изоляцию, но никто об этом ничего не знал, и почему-то архитектор об этом ничего не говорил.

Своды делали арматурные, то есть из прутьев, которые употреблялись для бетона. Прутья гнули в дуги, это было нетрудно. В этом принимал участие и я, к какому-то тяжёлому бревну я приставлял два камня на некотором расстоянии, прикладывал к камням

Храм в Джорданвилле

прут и ударял молотом, продвигая прут, пока он не был согнут в дугу. Концы дуги загибали приблизительно на два дюйма (5 см). В нужном месте в стене особым зубилом мы пробивали дырки, в которые вставляли концы дуг, а сверху прикрепляли проволокой дуги к стропилам. Когда нужный ряд дуг был установлен, их скрепляли поперечными прутьями, связав их проволокой. Каждый угол квадрата (приблизительно 18 на 18 дюймов, т. е. 45 см) прикрепляли проволокой к стропилам.

По такой же системе мы устанавливали арматуру купола. К укрепленным прутьям проволокой прикрепляли сетки. Следующая работа была – штукатурить. Опять мы не клали изоляции, так как никто из нас об этом ничего не знал.

Через несколько лет русские беженцы, главным образом из Германии, стали перебираться на жительство в Америку. Отец Архимандрит Иов, член братства преподобного Иова Почаевского, оставшись в Германии для опеки русских беженцев, недалеко от Мюнхена организовал небольшой монастырь, и у него собралось какое-то количество жильцов: кто хотел приобщиться монашеской жизни, а кто с ещё неопределённым намерением, или лучше сказать – полагая, что через поручительство Церкви легче будет перебраться в Америку.

Отец Иов и прислал нам целую группу таких людей, в которой были и монашествующие, и трудники; последним было дано условие: проработать в монастыре не меньше года.

Но и помимо этой группы монашеская братия пополнялась новыми членами: кто приехал для монашеской жизни, а кто для получения семинарского образования и на каком-то курсе

или по окончании его принял монашество. Количество насельников увеличилось, да ещё и семинаристы стали приезжать, и нужно было где-то размещаться.

По этой причине было начато строительство монастырского корпуса. Подвальное помещение с железобетонными стенами было сделано собственными силами. Заведовал этим отец Никодим, имевший инженерное образование. Николай Николаевич тоже принимал в этом участие, тем более что стены и крышу делали американские специалисты, а внутри здание отделялось собственными силами. Здание имеет четыре этажа, четвёртый – мансарды, то есть частично под крышей с выступающими окнами.

Прошло ещё несколько лет, и назрела нужда в семинарском здании. Об этом больше всего заботился Николай Николаевич, и здание действительно вскоре было построено. Большая заслуга Николая Николаевича была ещё и в том, что он приложил все усилия, чтобы семинария была признанным учебным заведением. Это давало право выписывать студентов из-за границы. Вечная память рабу Божию Николаю. Позже были прибавлены и другие постройки, но о них я не буду упоминать, так как строительство некоторых из них было, когда меня уже не было в монастыре, я уже не был свидетелем.

Все приехавшие братья включились в разные виды работы; как местные, так и прибывшие позже много трудились, каждый в своём роде. Благодаря этим многим трудам монастырь до сих пор успешно существует. Я упомянул только о некоторых, но вся монастырская жизнь протекала под наблюдением и благословением архиепископа Виталия. А после его кончины (1960 г.) его место настоятельства принял епископ Аверкий, приехавший в монастырь в сане архимандрита, но через несколько лет хиротонисанный во епископа, – позже архиепископ, ныне покойный (1977 г.).

Что касается меня, то поначалу меня определили работать на кухне помощником повара, отцу Филарету. На кухне я проработал более двух лет: сначала помощником, а позже и самостоятельно. Когда прибыла подмога, меня освободили от этой работы, тем более что отцу Киприану нужен был помощник при росписи

церкви. Сколько лет пошло на роспись церкви, я уже не помню, тем более что яичная эмульсия, на которой мы размешивали краски, оказалась непрочной. Когда появились акриловые краски, мы всё переписывали заново.

Ещё до занятий в семинарии я увлекался церковнославянским языком. Когда же этот предмет преподавали нам уже в семинарии, то я старался ничего не пропустить, а преподавал нам его протоиерей Михаил Помазанский, человек очень образованный, он окончил Киевскую Духовную академию. Он хорошо чувствовал грамматику и преподавал умело. Он преподавал нам и греческий язык, и некоторые другие предметы.

После окончания семинарии и получения аттестата мне было предложено преподавание церковнославянского языка.

В результате преподавания в течение нескольких лет мной была составлена «Грамматика церковнославянского языка». Свято-Троицкий монастырь издал её в 1964 г. Повторное издание с некоторыми поправками было в 1984 г. Протоиерей Иоанн Шо (Shaw) перевёл мою грамматику на английский язык, и она была издана Свято-Троицким монастырём в 2001 г.

В английском тексте я сделал ещё некоторые поправки. Отец Иоанн говорит на нескольких языках, а потому смог справиться с таким очень трудным делом. Большое ему спасибо. Мне было очень приятно узнать, что моя грамматика приносит пользу и на Русской земле.

В России было, кажется, два репринта: в 90-х гг. в России появилось переиздание первого варианта – 1964 года. Я немного расстроился, поскольку издание 1984-го значительно лучше, я что-то усовершенствовал, что-то добавил... Но мне разъяснили, что в 1964 году ещё не было закона об авторском праве, потому и выбрали этот вариант, чтобы я не мог предъявить претензий.

А я и не собирался ни с кем ссориться. Наоборот, я очень рад, что моя книга пригодилась, что по ней учатся, что она нашла своего читателя...

Годы нашей заграничной жизни шли, и наша православная и церковная жизнь под руководством наших старейших архипастырей благоустривалась, насколько позволяли разные

обстоятельства. Но, к сожалению, многие из них постепенно уходили в лучший мир, и им нужна была замена. Но откуда возможно было брать её? Иногда в кандидаты для епископства брали из вдовых священников, но нередко брали из Свято-Троицкого монастыря. Так архимандрит Лавр был хиротонисан во епископа Манхэттенского и долгое время был секретарём Архиерейского Синода. Были взяты ещё несколько человек для этой цели. Эта участь коснулась и меня.

Архиепископ Серафим Чикагский и Детройтский попросил Архиерейский Собор дать ему в помощь викария. У него случился удар в связи с высоким давлением, на что он раньше не обращал внимания, и в результате была частично парализована правая сторона. Со временем паралич почти разошёлся, но всё же правую ногу ему приходилось слегка тащить, и поэтому он всегда ходил с палочкой. Обезжать Епархию ему было уже трудно.

Жребий пал на меня, мне об этом сообщили и назначили день хиротонии на 20 октября (1974 года – *Прим. Ред.*), в Чикаго, – это было воскресенье, на которое было перенесено народное празднование храмового праздника – Покрова Пресвятой Богородицы.

В назначенный день Митрополит Филарет, Архиепископ Серафим, Архиепископ Виталий и Епископ Лавр служили литургию, во время которой меня хиротонисали во епископа Кливлендского с положением викария Чикагско-Детройтской Епархии.

Когда-то, в 1945 г., владыка Серафим, тогда архимандрит и настоятель братии Преподобного Иова Почаевского, принял меня, некоего «остовского» рабочего, в состав братии, а теперь волею судеб Божиих было определено мне быть ему помощником, – доброе дело не пропадает.

Владыка Серафим посетил со мной главные приходы Епархии, чтобы представить меня как своего помощника – викария, после чего предоставил посещение приходов мне.

Но владыка Серафим был ещё достаточно активен, он управлял жизнью Кафедрального собора и делами во Владимирове, присутствовал на годичных собраниях, созывал епархиальные съезды, летал на заседания Архиерейского Синода (в Нью-Йорке) и т. д.

Спаситель. Фрагмент внутренней росписи (купол) Покровского собора в Чикаго. Собор полностью расписан владыкой Алипием

Последние три года он был очень слаб, переехал в Магопак и вскоре преставился (в 1987 г.). Вечная ему память! Вскоре меня назначили правящим архиереем.

***

В Чикаго я уже 31 год (на 2005 год – *Прим. Ред.*). Сначала какое-то было здание, приличное здание, церковь была в нижнем помещении. Там до сих пор стоит Православный крест. Потом купили дом. При церкви только диакон жил. Приличная была комната.

Здесь наш храм сначала был на Кельте, в городе, затем, когда мы переехали сюда, продали помещение македонцам. Были очень рады, что именно им, поскольку они тоже православные. Храм остался православным. Было бы неприятно, если б там танцевали.

Когда мы голосовали – 80 человек голосовали за то, чтобы переехать и купить землю, а 7 – против. Старушки говорили: как же мы будем ходить? Они там и остались, потом к македонцам ездили. Так что получилось, что мы отдали македонцам церковь уже с приходом. Они служат по-православному, по-церковнославянски, только акцент у них, нужно прислушиваться, чтобы понять.

Владыка Серафим тут был... Когда я приехал, было уже 25-летие прихода. Но мне это не нравилось, поскольку район плохой был. Много было негров, пуэрториканцев, расписывали нам церковь, остановить это было трудно. Приходим в церковь, а они сидят здесь на пороге. Иногда сумки вырывали. Поэтому

я хотел уйти оттуда. И потом прихожанам машины там негде поставить, приходилось ставить в другом месте – в городе. Было опасно. А общественный транспорт в Америке сами знаете, что такое: ходит крайне редко, особенно по воскресеньям, и маршруты совершенно непостижимые...

Словом, проблема. Это было в 1974 году, сразу после моего рукоположения в епископы. Там был один священник, потом другой. Был отец Иоанн, он потом переехал в Милуоки (соседний штат). Владыке Серафиму было немного больно, что я хочу переселиться, он говорил: “когда умру – тогда и переселяйтесь!”. Но потом согласился. Даже фонд образовал. И когда мы покупали землю, деньги в нём уже были. Собрал немного. В общем, как-то купили эту землю в 1986 году.

Сначала была проблема, поскольку местные жители, американцы, узнали, что это русские хотят сюда. *Russians are coming!* Русские идут! Коммунисты, значит. Они всегда думали, что русские – это значит коммунисты.

У нас уже был проект, один американец сделал проект церкви. Храм планировалось построить высокий – футов 50, а с крестом – 60 (т.е. 15 и 18 метров). А они стали говорить, что здесь только 30 футов (9 м) можно, не больше. Было собрание местных американцев с тем, чтобы нас сюда не пустить.

Собрание было в мэрии, пришло где-то 80 человек протестовать. Они не могли сказать “нельзя церковь строить” – потому что можно было строить, но они уперлись: “высота 35 футов (10,5 м), выше нельзя”, то есть под таким благовидным предлогом хотели сорвать строительство храма.

Один выступил: “Я вьетнамский солдат, я там живу, и если там будет такая высокая церковь, то это будет путать мне телевидение, каналы все перемешаются!”. И так далее, много таких выступлений было, многое придумывали, чтобы нас не пустить. Наши даже немного испугались и хотели пойти на попятную. А мы-то уже дали залог. И готовы даже были забрать его назад.

А здесь грек владел этим местом, и он, видимо, деньги уже куда-то вложил. Тогда, при Картере, деньги сильно упали, 10% давали банки. Словом, грек этот не хотел возвращать

Покровский собор в Чикаго

деньги. Ну и я решил идти до конца, решил купить.

Моя идея была такая: если даже мы и не построим, и нужно будет продать это место, то лучше я проиграю при перепродаже, что ещё вопрос: земли дорожали, может, только выиграю, так как будет дороже. Я купил тогда. Были “ключевые” люди, они были согласны перейти сюда, поэтому мы заплатили сразу полностью всю сумму. Некоторые жалели: вот, мы потеряли деньги – а владыка Алипий купил себе дачу! А теперь они не вспоминают об этом, говорят: “Мы построили церковь!”.

А владыка Серафим в 1983 году уехал во Владимирово, это сто миль на северо-запад от Чикаго. Искали такой кусок земли, чтобы он подходил для детского лагеря и там был пруд. Нашли 70 акров земли. У владыки Серафима идея была, чтобы построить детский лагерь. И вот уже там 35 лагерей было, каждое лето детей собирали. Владыка Серафим и жил там до самой смерти. Умер он в 1987 году. Он так и не увидел наш храм: был очень слаб и не мог приехать. Впрочем, не знаю, обрадовался ли бы он, если б и увидел, тогда были только дом и сарай.

Слава Богу, удалось при храме построить и концертный зал, а вот школу... Уже старые люди выдохлись, и просто у них интереса уже и нет, подрастают дети, надеюсь, они об этом и позаботятся.

***

К настоящему времени (2005 г.) я числюсь в Чикагско-Детройтской Епархии (как викарий и как правящий) – 31 год. Последние три года по причине болезни я почти не участвовал в управлении Епархией, этим занимается мой викарий – епископ Пётр.

За это время при моём участии были построены две новых церкви: в Кливленде (1979-1981 гг.) и в Дес Плайнз (пригород Чикаго) Кафедральный собор (1990-1991 гг.) – обе были мной расписаны. В Кливленде при росписи мне частично помогали отец Феодор Юревич и Александр Чистик. На это ушло несколько лет (1982-1988 гг.), также и на роспись Кафедрального собора ушло несколько лет (1991-2002 гг.).

Ещё в церкви в Денвере (штат Колорадо) была расписана задняя стена – Страшный суд, – впрочем, вся композиция была написана на холсте частями и наклеена (заботой настоятеля протоиерея Петра Бурлакова) и его же заботой – Божественная Литургия, в алтаре, написанная на твёрдом картоне.

За это время прибавилось несколько приходов. К сожалению, за последние годы количество старых прихожан (первой и второй эмиграции) уменьшилось: одни состарились, другие – ушли в лучший мир, но начиная с 1991 года наши церкви стали посещать новые эмигранты, приезжающие из России на время или пытающиеся остаться для оседлой жизни – наша задача привлечь их к жизни церковной.

Что касается меня лично, то могу сказать только о немощи своей. В 2002 году со мной приключилось несчастье: я решил спилить ветку шелковицы, которая свисала над дорожкой возле церкви и очень сорила своими плодами. Я допустил неосторожность, спиленная ветка ударила по лестнице, выбив её из-под ног, и я упал на асфальт и повредил спину, от этого у меня произошёл паралич ног.

Постепенно болезнь стала отступать, но пока я могу двигаться только при помощи ходунка, и то недалеко. Я надеюсь на лучшее, но как Бог даст.

Слава Богу, здоровье постепенно возвращается... Только вот ноги беспокоят – повреждены нервы. Многие восприняли моё выздоровления как чудо – слишком безнадёжным казалось моё положение сначала.

Вот и вся моя история.

Архиепископ Алипий, 30 июля 2005 г.

Метаморфозы

Священник Александр Дьяченко

Помню, когда я ещё только начинал служить, как-то звонит мне староста:

– Батюшка, приезжай: у тебя в двенадцать отпевание, настоятель благословил.

– Кого отпеваем?

– Девуцу одну, вон уж привезли, лежит в подвенечном платье.

В начале моего священства самым тяжёлым испытанием для меня было отпевать детей и молодых людей. Не мог видеть, как плачут родители над умершими детьми, у самого горло перехватывало. А потом понял, что никому не интересно, что ты переживаешь, важно, что ты делаешь. Постепенно научился защищаться от происходящего, как отстраняется от чужой боли врач или судья. Иначе не выдержать. Это со стороны кажется, что страдание равномерно распределяется по всем, а как стал служить, так во всю эту боль с головой и окунулся. Много её на священнике сходится, ты оказываешься в центре страданий, и кажется, что ничего, кроме них, в мире больше нет.

– Да ты не переживай, отец, – продолжает староста, знает она мою слабость, – этой девице уже за восемьдесят. – Это она так пошутила.

Приехал в храм, захожу. Вижу краем глаза, в боковом приделе стоит гроб, а из него фата выглядывает.

«Вот, – думаю, – нашли развлечение, – это я про сродников, – делать им больше нечего, как на старуху фату напяливать». И появилось у меня к этим людям нехорошее чувство.

Подхожу отпевать, сухо поздоровался с людьми, можно сказать, еле кивнул, и только потом посмотрел в гроб. Посмотрел и остолбенел. Хотите – верьте, хотите – нет, но я увидел такое лицо, от которого невозможно было оторвать взгляд. Это был настоящий лик, такие лики я видел только у святых на древних иконах. Смотрю и понимаю, что передо мной лежит святой человек. Чаще всего лица умерших ничего не выражают, кроме страданий и следов болезни. Наконец я смог оторвать взгляд от лица усопшей.

– Кто она? Почему у неё такое прекрасное лицо? Почему она в фате? Расскажите мне, и потом будем отпевать, – как пулемет, не останавливаясь, задавал я им свои вопросы.

– Да мы, батюшка, на самом деле ей не родственники, – отозвался мужчина средних лет. – Бабушка Ольга пришла к нам в дом по рекомендации наших друзей, когда у нас появился очередной ребёнок и нужна была помощь. Ещё у нас тогда мать очень болела, не знали, что и делать. Бабушка помогала нам растить детей, а потом уже и внуков. Много молилась, нас учила. Ходила по другим домам ещё ухаживать за одинокими больными стариками. Мы мало что знаем о ней. Знаем только, что к нам она попала уже далеко не к первым. И до нас она помогала многим, а с нами, просто уже постарев, осталась навсегда.

Бабушка хотела в молодости стать монахиней в миру, но духовник отговорил её, времена были сложные. Сказал: «Помогай людям и этим будешь служить Богу, а служение это и вменится тебе в монашество». Вот она, как могла, и служила. Ничего у неё своего не было. Всё, что имела, отдавала другим. А про фату, так это мы сами решили, всё же она невеста Христова.

Я отпевал Ольгу и понимал, что мне несказанно повезло. Ведь я пересёкся с настоящим примером святости. Этот человек жил рядом со мной, дышал со мной одним воздухом, а я про неё ничего и не знал. Может и хорошо, что не знал, это даёт право надеяться, что рядом с нами живут ещё и другие святые, просто мы про них ничего не знаем.

Когда стал ходить по домам причащать стариков, удивлялся, какие же они разные. Придёшь в один дом, начнёшь разговаривать со старым человеком, а тот и говорит:

– Батюшка, у меня дочь, гадюка, деньги тырит. Вот, под подушкой их прячу.

– Так, может, она нуждается в них, отец, за тобой же уход нужен, лекарства? Зачем дочь обижаешь, ведь не бросает тебя, заботится.

– Нет, тырит! – капризно кричит старик. – Я знаю!

Грустно...

Вы не замечали, как порой тягостно и даже невыносимо тяжело сидеть рядом со старым человеком. Вроде он и одет чисто, а с души воротит, как уйти хочется. Спросишь такого: «Отец, как поживаете?» — и скорее всего в ответ услышишь, что всё плохо, что президент – гад, что губернатор – вор, а мэр – проходимец, пробы негде ставить. Страшное состояние души. А ведь старость – это итог, с которым человек стартует в вечность. Кто сказал, что ад начинается на небе? Он начинается ещё на земле, как, впрочем, и рай.

Помню, лежит старушка, на глазах линзы, как телескопы, почти не видит. Двигаться не может, да ещё и не слышит ничего. Брѣвнышко брѣвнышком. Думаю: интересно, а какие у неё мысли и желания? А у неё вообще есть желания?

– Мать, – ору, – ты чего-нибудь хочешь? У тебя есть желания?

– Есть, – отвечает, – я жить хочу.

– А зачем тебе жить, мать? Ты же не живёшь, а мучаешься?

– Мне, батюшка, детей жалко, что они без меня делать будут? – И заплакала. А дети уже и сами на пенсии.

Иногда задаёшься вопросом: почему некоторые люди так долго живут? Бабушке (а это, как правило, бабушки) уже за девяносто, а она всё никак помереть не может. Плачет:

– Устала, говорит, а Бог всё меня на земле терпит.

Вот как-то поговорил так с одной нашей прихожанкой, бабушкой Таней, а через год где-то, смотрю, в храм на службу приходит её внук с женой и двумя детьми. Всю службу стоят молятся, жена с детьми причащаются. Возликовала душа моя, а на следующий день баба Таня и померла. Отпустил Господь, молитвенная смена пришла.

Да, интересно порой жизнь поворачивается... В нашем храме двое прославленных Церковью новомучеников, бутовские страдальцы. Мы когда поехали на Бутовский полигон, то с нами была внучка одного из наших святых. Во время панихиды, ещё в старом деревянном храме, зачитывая

имена расстрелянных, обнаружили, что имя нашего псаломщика выделено красным маркером. Спрашиваем: почему имена некоторых новомучеников выделены, в том числе и нашего бывшего псаломщика, а другие нет? А нам говорят, что он уже прославлен в лике святых. Теперь не о нём, а ему молиться нужно. Представляете? Внучке узнать, что её дед святой.

Вернулись домой, пошли к дочери святого мученика Димитрия, Надежде Дмитриевне. Ей тогда было что-то около восьмидесяти пяти лет. Бабушка Надежда в храм уже не ходила, физически не могла. Но ум имела поразительно ясный и изумительную память. Она даже помнила, что колокол, сброшенный с нашей колокольни, весил шесть тысяч двести пятьдесят пудов. Рассказывала, как такую махину поднимали на высоту почти сорока метров, правда это было до её рождения, но ещё свежие рассказы участников подъёма колокола остались в её памяти. Точно так же ясно отпечатались у неё и события, связанные с разгромом храма. Для того чтобы сбросить колокол, понадобилось прорубать в стенах колокольни дополнительные отверстия. Колокол упал и не разбился. Добивали эту красоту его же языком. Потом куски погрузили в машину и увезли.

Надежда Дмитриевна прожила очень нелёгкую жизнь. Дочь врага народа. Семья, оставшаяся без кормильца и без имущества. Старшего брата расстреляли вскоре вслед за отцом. Её саму выгнали из техникума. Поначалу вообще за кусок хлеба трудилась. Так и проработала всю жизнь на самых грязных и тяжёлых работах.

Как только появилась возможность восстанавливать родной храм, первой же и пришла. Ей уже тогда было за семьдесят. Кто ещё тогда так радовался и кто так трудился, как эта женщина?

У неё же в доме и книги, и иконы хранились. На все службы летала птичкой. Но время брало своё, и вот уже наша бабушка Надя перестала выходить из дому. Мы по её просьбе фотографировали храм, все изменения в нём. Как она была счастлива, прижимая к груди дорогие ей снимки.

Когда бабушка уже не могла ходить на службы, то она свой дом превратила в храм. Первым делом ей подключили церковный канал, по которому она могла смотреть богослужения. Бабушка освоила магнитофон и ежедневно прослушивала одно из Евангелий, слушала Псалтирь. Клирос по её просьбе записал весь цикл воскресного богослужения, и во все праздники Надежда Дмитриевна молилась вместе с народом Божиим. А ещё она ежедневно вычитывала все положенные молитвы, акафисты и часы.

Помню, зашли к бабушке Наде, пожалели её одиночество. И однажды после службы я обратился к нашим общинникам и призвал их чаще посещать старушку.

Через несколько дней шлёт она мне послание: «Батюшка, милый, Христом Богом прошу тебя, останови это паломничество ко мне, я же не успеваю совершить положенный мне молитвенный круг». Уже потом она говорила мне:

– Ты не смотри на моё одиночество, я же ведь живу как в раю. Никогда мне не было так хорошо.

И ещё всякий раз, когда я приходил к ней, она официально заказывала мне молебен своему отцу. Денежку достанет, всё чин по чину. И никакие протесты не принимаются. Можете себе представить: дочь заказывает молебен своему отцу. Не за отца, а отцу, святому новомученику. У меня это до сих пор в голове не укладывается.

Однажды спросил её:

– Надежда Дмитриевна, вот ты прожила такую долгую и трудную жизнь, и дождалась, что отца не только реабилитировали, но ещё и во святых прославили. Справедливость

восторжествовала. Скажи мне, ты счастлива?

– Счастлива, батюшка. Только не знаю, поймёшь ли ты меня. Вот гляжу на свою жизнь с высоты прожитых годов и понимаю, что самым-то хорошим для меня временем, или лучше сказать, настоящим, было то время страданий. Никогда я так больше не молилась и не ощущала помощи Божией. Я же кожей чувствовала, что Он рядом стоял.

Умерла она, не дожив недели до своих девяноста лет. Хотела было даже пригласить нас на юбилей. Тихо уходила, мирно, после причастия. А причаститься ей было трудно, накануне всю ночь её рвало, печень подвела. И тем не менее я её причастил и сидел возле неё с банкой, на всякий случай. Она всё меня за руку держала. Потом ей стало получше, она заснула. Пришла в себя, попросила её посадить и преставилась.

Вы наверняка можете себе представить, как выглядит старый больной человек девяноста лет. А вот во время отпевания во гробе я снова увидел уже знакомый мне отпечаток святости на лице усопшей. Его трудно описать словами, но и невозможно с чем-то спутать. Лицо становится таким, что от него невозможно оторвать взгляд. Так и смотрел бы на него и смотрел. Что-то в нём появляется весомое, подлинное, что скрывалось за простым добрым взглядом стареньких подслеповатых глаз.

В лице человека явственно и победоносно отпечатывается Небо. И тебе радостно, что Небо не прошло мимо тебя. Что рядом с тобой билось и молилось такое сердце.

Как же я благодарен Тебе, Господи, за таких людей, за такую науку!

На другой день после отпевания случайно обнаружил, что в храме замироточило сразу несколько икон. Все образы стоят на открытых местах, вот и заметил. Думаю: «А образ отца Надежды Дмитриевны, святого мученика Димитрия? Он-то как?» Подхожу к иконе, а она повешена в таком уголке, куда почти не доходит дневной свет, присмотрелся. Действительно, мироточит.

Что в этом знаке? Небо радуется оттого, что ещё одна праведная душа вознеслась в горние обители? Или это в утешение нам, пока ещё остающимся здесь, на земле?

www.pravmir.ru/metamorfozy

Прощение

– В двадцать первую, да, перевели?

– Ну да. МарьСергеевна, ты не перебивай, мне и так некогда. Так вот, она с матерью ехала к ихнему отцу, на такси. То ли водила такой попался... знаешь, как моя подружка про таких говорит: права имеют только на велосипед, и те купленные. То ли и вправду на них с такой скоростью летели... В общем, кто виноват – не знаю. В общем, мамка и водила – насмерть, а девочка вот отделалась сотрясением. К ней уже пустят скоро, сказали. Пришла в себя, всё, есть уже просила. Ой, я её видела через дверь, вся в кудряшках черненьких, такая интересная! И говорила так вежливо, ей ладно если шесть есть, а она врачу: «Будьте так добры, разрешите...» Всё, Сергеевна, с окончанием отпуска тебя, как говорится! Побежала я, а то вон Людмила Викторовна идёт, скажет, что не работаю! – молоденькая повар Танечка, недавно принятая на работу, круто развернулась, выскочила на лестницу и бойко загрохала каблуками по больничной лестнице.

Тетя Маруся только пожала плечами. Её дело – шваброй махать, а таких девочек, с сотрясениями, тут пруд пруди. В том числе и без мамок. Тетя Маруся сама без матери выросла. И очень этим гордилась. Любила сказать: «Вот, я без матери выросла! И ничего – выучилась, работала, не пьющая, не гуляющая, сейчас вот попала под сокращение – не унываю, дорабатываю до пенсии!» После этих слов следовал монолог: «А ты?.. Всё тебе в жизни дано...» Кстати, на многих эти слова действовали неплохо. Старшая медсестра даже как-то сказала ей: «Мария Сергеевна, вам надо было психологом устраиваться!» А что, сейчас много книжек всяких про психологию, какая, оказывается, простая наука! Знай говори себе: я себя прощаю, я хорошая, я сильная. Как просто, и что другим психологами не работается... У тети Маруси уже пять книжек с пестреньким мягким переплётом, где про это всё написано. Все выживают, все забывают, и эта девчонка тоже забудет, и будет жить, и если слабая – сопьётся-сгуляется, а если, как тетя Маруся, сильная, – то работать станет... «Я – сильная», – шепнула про себя тетя Маруся и бодро махнула

тряпкой, задумавшись. Тряпка угодила по ногам заведующей отделением. Брызги попали на белоснежный халат Людмилы Викторовны. А Людмила Викторовна очень, очень любила не просто чистоту – стерильность...

***

И чего тетя Маруся вздумала ещё раз пол перемывать? Ну, разбились эти пузырьки, ну, толкнул их пробежавший сантехник, ну и что, быстро протереть – и ладно. Так нет же, чего-то домой не тянуло в тот вечер. Как школьница, стыдилась происшествия с халатом заведующей. Она ещё так серьёзно: «Товарищ Михайленко...» Никогда её МарьСергеевна не назовет, или тетя Маруся, всё товарищ да товарищ. Раньше на «господа» говорили «господа в семнадцатом году кончились». А теперь что говорить? Когда кончились товарищи?

– Дзынь! – раздалось за дверью двадцать первой палаты.

Тетя Маруся открыла дверь. В полумраке палаты она увидела силуэт девочки, девочка пыталась закрыть форточку.

– А ну-ка, отойди от окна. Вывалишься или стекло разобьёшь, – недобрым голосом сказала тетя Маруся.

Девочка послушно отошла. Девочка не спросила, кто к ней зашёл и зачем. Она молча двинулась к тете Марусе.

– Тебе...тебе вставать нельзя, – Мария Сергеевна почему-то испугалась. Она выглянула в коридор – медсестры не было на посту. Куда ж она делась...

Девочка протянула руки к тете Марусе. Женщина остолбенела.

И девочка вдруг сказала нежным голоском, но настолько взрослым тоном, что Марию Сергеевну передернуло:

– Мама...где?

– Она...она... – забормотала тетя Маруся. Вдруг её одолела какая-то свербящая злость. Чего она испугалась, это просто палата, просто ребёнок, сейчас медсестра придёт... И неожиданно для себя она выпалила:

– Умерла твоя мама! Нет её!

Прикусывать язык было поздно, и она скороговоркой забормотала:

– Ничего, поплачешь, сердце отойдёт, вырастешь, всё заживет, работать будешь, учиться будешь!

Она попятилась – и, пока пятилась, видела, как девочка каким-то неясным жестом складывает пальчики правой ручки шепотью и несёт их к забинтованному лобу.

***

Наутро Мария Сергеевна чуть не оказалась «на бюлютне» – приболела. То ли прохватил её свежий ветерок, никогда раньше не болела, всю жизнь прожила здоровой и тех, кто «бюлютни» часто брал, считала нытиками и симулянтами. То ли уже годы брали своё и голова болела по другим причинам. Уж очень она горевала – только из отпуска вышла, и нате, она же сильная... Нет, хоть с опозданием, да пошла!

– Двадцать первую палату мыть, – первое, что услышала. Что её опять мыть-то, эту палату?

Старшая медсестра пробежала мимо по коридору с красными глазами:

– Теть Марушь, тут у нас такое! Машенька Тарутина из двадцать первой. Умерла. Сердечко остановилось. Тут её тетка приезжала – сказала, что, видать, почувствовала она, что мама не просто так не приходит. Машутка, говорит, мамин хвостик была. В семье смеялись, что родить родили, а пуповину не отрезали: всё мама да мама, ни на секунду без мамы не оставалась...

Медсестра хлюпнула носом в одноразовый платочек и помчалась дальше по коридору.

Мария Сергеевна остановилась. Пятерней провела по стриженным, крашеным в рыжий, волосам, медицинская шапочка упала на пол.

***

Простить себя у Марии Сергеевны никак не получалось. Никак. Она втолковывала себе, как постороннему бестолковому человеку, что девочка всё равно бы всё узнала, но, но! Она даже не рассмотрела девочку, она бы и не узнала её сейчас, а вот так вот раз – и девочки больше нет... Эта ручка, шепотью ко лбу тянется...

Мария Сергеевна убежала под лестницу и там разрыдалась.

– Теть Марушь, ты чего?

Мария Сергеевна подняла голову. Над ней склонилась старшая медсестра Оля. С Олей они никогда раньше не разговаривали, и Мария Сергеевна даже не знала, как ответить. К тому же она ей в дочки годилась. Но внутри вдруг будто что-то сорвалось, как плотину снесло, и она с всхлипываниями и причитаниями выложила ей всё. Она ожидала, что Оля пойдёт жаловаться – Людмиле Викторовне, родным девочки, кому угодно, или просто уйдёт...

– Знаете что, Мария Сергеевна, я никому ничего не скажу – хорошо? Но вы меня дождётесь – хорошо? Я вам всё объясню, а завтра выходной, и мы с вами кое-что сделаем – хорошо? Не плачьте.

И Оля убежала.

***

– Садитесь, садитесь, – подгоняла Оля Марию Сергеевну. – Вот так, пристёгивайтесь...

Олин «Дэу Матис» показался тётке Марусе просто сказочной каретой...только салатого цвета и маленькой.

– А может...не надо? – промямлила тетя Маруся.

– Так, Мария Сергеевна, вы вчера решили, а сегодня уже не надо. Мы же договорились, что сегодня я за вами заезжаю, и мы едем в церковь. Всё помните? У батюшки на исповедь попроситесь. У меня когда был случай...ну, в общем, один там...ладно. Я тогда на исповедь пошла, мне соседка посоветовала. И так легко! Такая благодать!

Оля с улыбкой покачала головой, и машина тронулась.

Дорога оказалась непростая. Оля вела машину нервно, при этом везде были «пробки». Каждому водителю, неверно поведшему себя на дороге, Оля «бибикала» – болван, мол, куда лезешь... Один раз «бибика» заела и гудела долго-долго, после этого Оля не жала на сигнал, а просто громко ругалась на всех водителей разом.

– А в какую церковь мы едем? – спросила Мария Сергеевна.

– А какая попадется первой! – задорно ответила Оля.

Тут в машине что-то застучало.

– Да что же это! – всплеснула руками Оля. – Ещё и напротив кладбища... Ой, смотрите, смотрите!

Из ворот кладбища выходил молодой высокий священник.

– Вот! – воскликнула Оля и лихо завернула прямо к воротам. – Идём к нему поговорим!

– Но здесь нет церкви...и молодой такой... – пролепетала тетя Маруся.

Оля не слушала её. Она выскочила из машины. Минуты три она отчаянно жестикулировала перед батюшкой, показывая то на небо, то на иерейский крест на его груди, то на машину, где притаилась Мария Сергеевна. Потом подбежала:

– Так, тетя Маруся, давай к батюшке, тут часовня есть, там поисповедуешься. А я пока в сервис.

Услышав про сервис, тетя Маруся спорить не стала. Вышла, сказала «здрате». С лёгким поклоном поздоровался и батюшка. Они шли рядом, медленно, молча. «Он молодой, поэтому сам не знает, как себя сейчас вести», – решила тетя Маруся.

В часовне зазвучали слова молитв перед исповедью. Тётя Маруся исповедовалась впервые в своей жизни. «Что будет, если не мыть тело с младенчества? – объяснял батюшка. – А Вы душу с младенчества не мыли...» Тётя Маруся будто физически почувствовала эту грязь. Она оглянулась, увидела икону Богородицы с Младенцем, представила себе, как некая женщина вот так держала на своих руках маленькую Машеньку, и слезы хлынули из глаз. Ей не хотелось «прощать себя», ей хотелось, чтоб её простили и полюбили – да, простили и полюбили! – те, перед которыми она так виновата. Перед погибшей матерью – что погубила её дочь. Перед дочерью, чьё неокрепшее сердечко не вынесло разлуки. Перед...а отец-то там есть? Он, наверное, ещё молодой, и остался один, и потерял самое родное и дорогое, и вовсе не хочется говорить обычное «заживёт, забудется». А вот на Кресте Тот, Который, как объясняет батюшка, взял на себя всё страдание мира.

– Прости! – закричала она.

«Прощаю и разрешаю», – услышала она. Батюшка учил креститься. Щёпотью сложил её пальцы, поднес к её лбу...

Она, ослабшая, села на лавочку. Почти легла. Она задавала вопросы, батюшка отвечал, и ей казалось, что она маленькая, а рядом стоит её отец, который любил её, растил её, жалел, и с удвоенной нежностью относился к ней с тех пор, как умерла её мать.

– А отец девочки меня простит? – спрашивала она молодого священника слабым голосом. Откуда ему это знать – сейчас её это не заботило, и казалось, что он ответит на все вопросы.

– Простит, – отвечал батюшка. – Вот ведь как получается... Чтобы вы прорвались к Богу, чтобы покаяться, – ради этого понадобились жизни трёх людей...

– А они сейчас у Него? – кивнула она на распятие.

***

Батюшка шёл прочь с кладбища. Поодаль Оля вела под руку тётю Марусю.

Вот и ворота. Вдруг начался дождь, Оля взвизгнула и потащила тётю Марусю за собой к машине. А батюшка вдруг достал из кармана мобильный телефон и поднёс его к уху – видно, позвонил кто-то.

– Забавно – правда? – смотрится, когда батюшка в рясе и с мобильником? – щебетала Оля. – С другой стороны, они тоже люди, что ж им...

Они поравнялись с батюшкой. А он говорил невидимому собеседнику:

– Да, Миш, спаси Христос тебя, благодарю, что звонишь. Да, я сегодня Машутку свою схоронил. Один отпевал, отец Александр не смог, заболел. Да понимаю, понимаю, что не смог ты приехать. Да, в одной оградке, Ксюша моя и Машенька. Да, с час назад... Ну, задержался на кладбище, были на то причины.

Юлия Кулакова

Судьба Илия

Этого человека звали Илий. Он был священником и Судьей народа Израильского на протяжении сорока лет.

Не нужно путать его с знаменитым пророком Илиёй, который был взят на небо на колеснице (4 Цар 2:11), и которого видели апостолы во время Преображения Господа Иисуса Христа (Мф. 17:3). Пророк Илия жил веками позже человека, которому посвящена данная статья, и какие-то детали из его биографии известны всем. А нашему Илию в Писании уделено мало места (1 Цар. гл. 2-4), большинство людей о нём слыхом не слыхивало. А жаль – его судьба касается напрямую едва ли не каждого из нас.

Думаю, что многим знакомо выражение «киндер, кюхе, кирхе» – «дети, кухня, церковь», описывающее основные представления о социальной роли женщины в германской консервативной системе ценностей.

В данной статье мы поговорим об одной из составляющих этого крылатого выражения. А именно о «киндер», то есть о детях. Мы не немцы, однако, думаю, что многие разделяют мнение, будто детей должна преимущественно воспитывать женщина. Мужу – работа, бабе – детвора и хозяйство. Или, в наше время, мужчине – работа, а потом диван с телевизором; женщине – тоже работа, а потом проверять, как детвора сделала уроки.

Вроде бы всё привычно, но знаете – Священное Писание такое распределение ролей не подтверждает!

Чтобы это осознать, вернёмся к нашему герою. Илий, судя по всему, был человеком неплохим. В Писании нет слов о том, что он был, скажем, блудником или корыстолюбцем. Но вот в чём беда – у него были плохие сыновья. Тоже священники, но наглые, нерадивые, которые открыто блудили с женщинами и забирали себе из храмовых жертв то, чего забирать не должны были.

Думаю, каждый понимает, сколько смущения и зла может принести плохой священник. Я лично знаю несколько случаев, когда люди отворачивались от Церкви потому, что священники оказывались не на высоте.

Это, в общем-то, не умно – плохие священники это ведь тоже испытание, которым Господь проверяет нашу решимость следовать за Ним, несмотря на то, что не все духовные лица похожи на апостолов Иоанна, Петра или Павла. Кстати, ведь последние два апостола оступались, и крупно! Пётр отрёкся от Господа в страшную ночь Его ареста, а Павел в юности был гонителем Церкви. Но они смогли исправиться. Быть может, исправятся и те священники, которые кажутся людям плохими?

Впрочем, это разговор отдельный, а факт есть факт – плохие священники могут послужить немалым соблазном для верующего люда. Сыновья Илия были именно таковыми, и смущали людей, отвращали их от веры, отравляли попытки жить праведно. Любой, кто с ними столкнулся, мог сказать в своём сердце – вот как плохо поступают священники. Если им можно, то почему мне нельзя?!

Илий пытался вразумить своих детей. Но, по-видимому, плохо пытался. И Господь спросил. Спросил с Илия!

Нет, его сыновья тоже были наказаны – оба погибли в один день в битве с филистимлянами. Но и Илий был наказан. Он умер, узнав, что убиты его сыновья. Согласитесь – такого никому не пожелаешь. Они были плохими людьми, но ему они – сыновья, и он их любил. Далее – в той битве был захвачен врагами Ковчег Завета. Илию было горько и от этого. Плохо знать, что величайшая святыня твоего народа поругана. К тому же, Илию было возвещено, что в его роду не будет стариков, все будут умирать в среднем возрасте.

Такие дела. А теперь – внимание! Нет ни слова о том, что как-то была наказана мать этих двух оболтусов. Ни наказания, ни упрёка! Илия, отца нерадивых священников, Господь наказал, а мать даже не упрекнул!

Что же получается, дорогие мужики? Не правильна немецкая схема! То есть насчет «кухни и Церкви» – разговор отдельный, нет ничего плохого в том, что жена молится и вкусно готовит.

Но за плохое воспитание детей перед Богом ответим мы, мужчины! Не имеется в виду, что

супруге нельзя доверять готовить с отпрыском уроки. Если может объяснить понятно математику или физику – это прекрасно. Но вот за нравственность сыновей, за состояния их душ, боюсь, она ответ держать не будет. Или будет, но в меньшей степени, чем глава семьи. Судьба бедолаги Илия говорит нам именно об этом.

Вот опять перед нами вопрос, о котором мы уже говорили. Ответственность в Библии – личная или не совсем личная? Или даже так – человек сам по себе или не сам по себе?

Мы, европейцы (и русские в том числе), привыкли к тому, что люди очень отделены друг от друга. Я не ты, ты не я, и каждый ответит за своё и только за своё. Так-то оно так, да не совсем!

Вот, например. Маша и Коля – это два разных человека? Казалось бы, ответ очевиден – конечно, да! Но есть один нюанс – если Маша и Коля муж и жена, то они связаны незримыми нитями, которые не видны нам, но видны Богу.

Вот девятнадцатая глава «Евангелия от Матфея». Христа спрашивают о разводах, ссылаясь на то, что Моисей позволял давать жене разводное письмо. Христос отвечает, что Моисей так сказал потому, что евреи жестоки. Иоанн Златоуст объяснял это так – евреи были людьми резкими, крови не боящимися. Закон Моисея позволял развод просто потому, что иначе мужья могли начать убивать надоевших жен. А так – развод. Плохо, конечно, но убийство хуже.

А сказав о жестоких сердцах евреев, Христос объясняет: «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил... И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью. Так что они уже не двое, но одна плоть» (Мф. 19:4-6).

Видите – если Маша и Коля муж и жена, то они уже и не совсем два разных человека. Имеется мистическое единство, неочевидное для нас, но очевидное для Бога. А это – серьёзно.

Идём дальше – Авраам и его потомки это разные люди? Разные. И всё же они связаны незримыми нитями. Евреям времен Моисея до нравственного и духовного уровня Авраама было как до луны, и, тем не менее, Господь

даровал им Палестину. Именно потому, что они потомки Авраама, Исаака и Иакова (см. Втор. 9:5-6).

Ещё смотрим. Давид и его сын Соломон – разные люди? Разные. Но и здесь есть незримые нити. В старости Соломон уклонился в язычество. Вообще-то царь Саул был лишён царства за меньшее! Но Господь у Соломона царство не отобрал. И даже его прямым потомкам небольшой кусочек от бывшего величия оставил. Почему? Потому, что Соломон – сын Давида!

В общем, связаны мы друг с другом, связаны. И пример Илия показывает – если мы, мужчины, плохо воспитаем своих детей, то нам это может сильно аукнуться. Не зря Господь именно мужчину, а не женщину назначил главой семьи (см. Быт. 3:6; 1 Тим. 2:11-14). Ты глава, прав у тебя больше. Но, во-первых, жену и детей не тирань (см. Еф. 5:28-29; Кол. 3:21). А во-вторых, изволь использовать свои права с толком, чтобы дети подонками не выросли. Конечно, ребёнок – это не часть твоего тела, а вполне самостоятельный человек. И если он станет по настоящему упорствовать во зле, то что ты с ним поделаешь?! Но мы должны сделать всё от нас зависящее, чтобы этого не случилось. Ты сделал всё возможное? Что ж – с тебя спроса нет. Не сделал всего? Будь готов ответить!

К сожалению, мы живём в эпоху распавшихся семей. И должны бороться с этой тенденцией. Скажем, есть такой себе Федя, у которого родился сын Серёжа. Пролетели годы, прошла жизнь. Умер Федя, и вдруг на Суде Господь упрекает его в том, что Серёжа вырос бандитом и убийцей. А Федя лопочет: «Господи, я ведь ушёл, когда сыну было 5 лет.

Откуда я знаю, кто и как его воспитывал?!» А Господь на это: «А почему ты ушёл, Федя? Разве жена изменяла тебе?» А Федя: «Нет, это я нашёл другую – моложе и красивее».

И как вы думаете, оправдает ли Господь Федю за такое поведение? Боюсь, что нет, так как даже в Ветхом Завете говорится: «Утешайся женою юности твоей» (см. Притч. 5:18). Вот так – той, на которой ты женился ещё в студенческие годы, утешайся, даже если она со временем утратила былую свежесть, а вокруг полно молодых и красивых. За её боль, возникшую от твоих измен, Господь с тебя спросит, а безобразное поведение плохо воспитанных детишек добавят груза на Страшном Суде.

Нет, конечно, бывает, когда мы совершенно бессильны. Скажем, османы силой забирали сыновей из христианских семей в янычары и воспитывали фанатичными мусульманами.

Здесь, конечно, от родителей парня не зависело ничего, и Господь вряд ли за это спросит. Но согласитесь – так ведь не часто бывает! Зачастую мы не уделяем должного внимания детям потому, что слишком любим или диван, или пиво, или телевизор, или ещё что-то маловажное...

В общем, мужики – давайте не будем забывать пример Илия. Сам-то он ничего из ряда вон выходящего не сделал, но плохо воспитанные дети вовлекли его в беду!

Давайте будем находить время для воспитания детей, и не станем разрушать собственные семьи. С Божьей помощью все семейные трудности преодолимы. И Он же поможет нам воспитать детей хорошими.

Эдуард Качан

Специально для «Православного Вестника»

Дорогую
Елену Александровну Бегановскую
поздравляем со 100-летним юбилеем

Нет даты лучше и круглей,
Чем та, что нынче к Вам явилась.
У Вас столетний юбилей!
Нам столько даже и не снилось.
Дорога жизни нелегка.
Сто лет – не каждый одолеет.
Но Вы прошли. Что Вам века!
Вы – на вершине юбилеев!
А мы Вас будем поздравлять
С достойным Вас сердечным пылом,
Здоровья крепкого желать,
Чтобы ещё на век хватило!

За мелодией Чайковского я услышала: «Помилуй меня». И жизнь будто перевернулась

Протоиерей Ярослав Шипов

Причащал тяжкоболящую. Бывшая скрипачка. Мы познакомились много лет назад, когда прихожане отвоёвывали храм, в котором размещалась администрация оркестра.

Женщина эта кричала тогда, что музыканты – люди высочайшей культуры – несколько десятилетий охраняли «исторический памятник», и потому он по праву принадлежит только им, а мы всё можем испортить: закоптить стены свечками, а полы затоптать грязными башмаками.

Это как если бы у человека, жестоко избитого и брошенного помирать, забрали всё ценное «ради сбережения», а когда человек пришёл в себя, возвращать ему ничего не стали, говоря, что он, дескать, может всё это использовать без достаточного разума, а то и вовсе порастеряет.

Да и насчет «охранения» и «высочайшей культуры»... В главном алтаре был кабинет художественного руководителя, в боковых приделах – туалеты.

Храм с Божией помощью отвоевали, а женщину эту я с тех пор не видал. И тут она через кого-то разыскала меня, попросила принять первую исповедь и причастить.

Мы с ней о чём только не переговорили – всего и не упомяну уже, но одно обстоятельство её бытия произвело на меня значительное впечатление. Музыкантша утверждала, что своим приближением к вере обязана... Петру Ильичу Чайковскому. Точнее: финалу шестой симфонии композитора:

– Вы ведь, наверное, знаете, он называл эту симфонию «Жизнь». Обычно мы исполняли четвёртую часть как похоронную, погребальную, а тут вдруг я впервые обратила внимание на разговорную интонацию некоторых музыкальных фраз. У Чайковского это бывает, ведь он любил слово и прекрасно чувствовал его: написал столько опер, множество романсов, «Всенощное бдение», «Литургию», а для нескольких своих произведений сам сочинил стихи.

И за основной мелодией финала я услышала: «Помилуй меня. Помилуй меня. Помилуй, помилуй, прости и помилуй...» Будьте любезны, дайте мне скрипку... Она вон там – в кресле...

Я достал инструмент и смычок из футляра и передал хозяйке. Не поднимаясь с подушки, она подстроила скрипочку и наиграла мелодию:

– Слышите?.. «Помилуй меня. Помилуй меня. Помилуй, помилуй, прости и помилуй»...

– Похоже, – вынужден был согласиться я.

– А начало финала, две фразы... «Боже, меня прости! Боже, меня помилуй!» Вслушайтесь: интонационно – это подражание разговорной речи... Весь финал – мольба, моление... Потрясающей искренности и глубины покаяние Петра Ильича Чайковского... Может, кто-то где-то об этом писал – не знаю, не читала.

Но как только сквозь музыку проступили слова, жизнь моя будто перевернулась... с головы на ноги. Мне осталось уже совсем немного... К сожалению, читать молитвы я не могу – не вижу, а выучить их не сподобилась – не успела, так что «проигрываю» в памяти четвертую часть и повторяю: «Помилуй меня. Помилуй меня. Помилуй, помилуй, прости и помилуй!» И звучит эта музыка во мне совсем не так, как мы играли: не загробная она, а покаянная...

С тех пор и я, слушая финал шестой симфонии, молитвенно повторяю: «Помилуй меня. Помилуй меня. Помилуй, помилуй, прости и помилуй!..»

Хочешь, чтобы денег стало ещё больше? Делись!

Архимандрит Андрей (Конанос)

Человек, который стремится к Богу всем сердцем, хочет, чтобы Господь, Пребогатый и Преблагий, неиссякаемый Источник и Податель, навсегда поселился в его сердце. Господь дарует нам блага – как духовные, так и материальные. Он создал необъятную Вселенную, сотворил всё, что мы видим. Его величие и сила безграничны, и Он всегда может даровать нам всё, что угодно, – потому что Его дары бесконечны. Поверь в это! Поверь в то, что, соединившись со Христом, ты прикасаешься к неисчерпаемому Источнику любви и блага – как духовного, так и материального.

Это очень важно: речь идёт здесь не только о духовных благах, но и о материальных. То есть у тебя всегда будет еда, кров, тёплый угол – не говоря уж о большем. Да, временами нам бывает тяжело, трудно и больно; и впереди ещё, несомненно, будут испытания, скорби и прочие неприятности. Однако, как говорится, «кто ищет, тот всегда найдёт». В данном случае – Господа нашего Иисуса Христа. Ты можешь привести мне хотя бы несколько примеров, когда человек, любящий Бога всем сердцем, голодает, холодает и умирает в нищете и муках? Лично я до сих пор жизни не встречал ничего подобного.

Да, я видел бедняков, видел людей в трудной жизненной ситуации, но здесь важно помнить одну простую истину, а именно: верить в то, что ситуация наладится и жизнь станет лучше. И это касается как финансового положения, так и всего остального, в чём ты нуждаешься. Бог не оставит тебя! Господь сказал, что богатому трудно войти в Царство Небесное (Мф.19:23). Почему? Потому что такой человек буквально одержим деньгами. Они – его надежда и опора, смысл жизни. И сердце богача, вместо того чтобы раскрыться, подобно цветку, навстречу Божественному свету, наоборот, закрывается. Человек думает только о том, как приумножить деньги и имущество. То есть думает о себе. Это напоминает ветхозаветную историю с манной небесной, которую нужно было съедать в тот же день, когда она была собрана. Если же люди

откладывали её на завтра, она покрывалась плесенью и червями. То же бывает и с богатыми, успешными людьми: деньги учат их доверять не Богу, а своей банковской карте, чекам и процентам. Человек успокаивается: всё в порядке, деньги есть, значит – жизнь прекрасна.

А хочешь, чтобы денег стало ещё больше? Делись. Делись своими деньгами! Опустив руку в карман и – делись. И ты, у кого мало денег – делись тоже, хотя бы понемногу. Бог вернёт тебе твою небольшую сумму, не беспокойся. Научись делиться, не скупись. Подавая, ты укрепляешь свою веру. То есть не просто веришь в то, что Бог есть, но и учишься доверять Ему, а с доверием растёт и вера.

Верить по-настоящему – значит доверять. Сегодня у меня есть, что дать, – вот, я даю, я делюсь с тобой, а завтра Господь пошлёт мне ещё. Бери, вот деньги!

А мы часто боимся так делать, потому что думаем: «Ну хорошо, вот сегодня я дам ему денег, а завтра на что жить?» На что жить? Ты правда думаешь, что Бог, питающий тебя сегодня, не пошлёт тебе еды завтра? Ты таким представляешь себе Бога – ограниченным в средствах, с финансовыми проблемами? Но мы же знаем, что Он – пребогат. Бог со Своим изобилием, Своим богатством может дать тебе любые блага. А если быть скупым и держать

сердце закрытым, то можно потерять и то, что имеешь.

Люди теряют деньги в одно мгновение. Проблемы со здоровьем, проблемы в семье, пожар, наводнение, землетрясение – и вот от стабильного, казалось бы, благополучия не остаётся и следа, одни убытки. «Но ведь деньги – гарант стабильности и безопасности». Нет, таким гарантом для тебя должен быть Бог.

Разумеется, благоразумие и предусмотрительность также необходимы. Нужно думать о детях, их будущем, тратить деньги не бездумно, а с умом. Это нормально, когда человек старается обеспечить своих детей, имеет какие-то сбережения. И хорошо, когда всё задуманное осуществляется, но важно при этом не доводить себя до стресса и болезней.

Так что лучшее место для наших денег – это карманы и семьи тех, кто в них нуждается. Ведь мы, христиане, подобны сообщающимся сосудам. И когда Господь посылает нам дары, то не жалко поделиться.

А рядом непременно окажется тот, у кого, в свою очередь, также есть что-то, чего не хватает тебе, и по своей любви этот человек поделится с тобой. Непонятно, как и почему так происходит: это – тайна. Главное – не бояться рисковать. Никто не может дать здесь никаких гарантий – приходится решаться на «прыжок с парашютом». Испугаешься, не захочешь прыгать – парашют так и не раскроется. Придётся рискнуть. «А нельзя подождать на месте, раскрыть парашют не в воздухе, а на земле?» Нельзя. Он раскроется только под действием воздуха. Так что – прыгай! Сделай первый шаг навстречу Богу, доверься Ему.

«Господи, я верю Тебе и смело делюсь тем, что имею, потому что знаю: Твоё богатство безгранично! И я верю в то, что являюсь Твоим чадом, братом Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа. Ведь Господь называл Себя и нашим Отцом, и Другом, и Братом. А раз я являюсь братом Христа, значит, всё Его наследство и богатство – и мои тоже».

Ты в это веришь?

Попробуй так смотреть на вещи, окрыли свой ум и сердце надеждой, относись к жизни с оптимизмом и перестань постоянно жаловаться: «Этого у меня, того нет, что же дальше-то будет?.. Ничего я в этой жизни не добьюсь, никогда у меня не будет денег, вот придёт время – и за жильё платить не сможем, выкинут нас на улицу...»

Говоря так, мы словно заявляем Богу: «Вот такой я человек, Господи! Такое у тебя чадо! Вот так я верю!» – «Ну, раз ты так веришь, – скажет Бог в ответ, – будет тебе по вере твоей! Если не веришь в Мою силу, Мою любовь, если не веришь, что Я никогда не оставлю тебя в нищете, а напротив, одарю всевозможными благами, как духовными, так и материальными, – где же, в таком случае, твоя живая вера?»

Дорогие прихожане!

Выражаем благодарность всем тем, кто работал в день уборки храма перед Пасхой!

День прошёл в дружной работе плечом к плечу.

Особенная благодарность самым младшим помощникам детсадовского возраста: они и двор подметали, и краску в банке усиленно размешивали.

Dr. Natasha Voin
LEVEL 6

SUITES 618-619

147 PIRIE STREET, ADELAIDE 5000

(facing Hindmarsh square)

PHONE: (08) 722 518 89

(говорим по-русски)

OPENING SPECIALS:

GAP FREE dental treatment for children under 18 years of age (and 25 years for those with BUPA)

GAP FREE check, clean and x-rays (if you do not have any private health cover you will find our fees very reasonable)

Refer a friend and get ½ price tooth whitening

With a bright, modern environment, friendly atmosphere, spacious rooms, and state of the art equipment, you will feel confident that we can provide you with a service that will keep you smiling!

We have flexible working hours, so come see us in your lunch break, or bring the kids in for gap free dental care!

We are preferred providers with BUPA, HCF, accept all major health funds, Dept of Veterans Affairs (DVA), South Australian Dental service (SADS), we bulk bill Medicare Teen Dental scheme and have HICAPS facility for on the spot claims.

**Morozov
Migration
Services**

Anna Morozov - специалист по миграционному законодательству Австралии и зарегистрированный миграционный агент **MARN 0852237**, NAATI сертифицированный переводчик (English-Russian), предлагает:

бесплатную предварительную оценку шансов на получение виз в Австралию
полное сопровождение иммиграционного процесса и/или платные консультации по вопросам связанным с визами:

независимая профессиональная спонсируемая штатом/работодателем

студенческие визы - визы партнера

невесты - родительские визы

туристические и Skills Assessment

профессиональный перевод документов

Звоните: 08 8365 5550 / 0403 168 731

Пишите: info@morozovmigration.com.au

Damien Elberg

Peter Elberg

**Peter Elberg
FUNERALS**

The death of someone close, whether expected or sudden, is always a stressful experience for family and friends. Important decisions and detailed arrangements need to be made with the caring assistance of someone whom you can really trust.

**Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding**

***Proudly South Australian
Owned & Operated***

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

